

Александр Мишкин
Anamnesis vitae

История жизни

Александр Мишкин

Anamnesis vitae. История жизни

«Издательские решения»

Мишкин А.

Anamnesis vitae. История жизни / А. Мишкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749291-5

Обычная сельская больничка становится ареной страшных событий. В округе происходят непонятные, мистические убийства беременных женщин. Кому же нужны нерожденные души? Стоит ли верить старой цыганской легенде, обещающей бессмертие? Это вынужден выяснять Пал Палыч Светин, назначенный в больницу врачом и сразу втянутый в водоворот страстей. Вместе с лейтенантом милиции он пытается противостоять убийце с нечеловеческими способностями и недюжинной силой. Им помогает девушка, пришедшая ниоткуда...

ISBN 978-5-44-749291-5

© Мишкин А.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Anamnesis vitae
История жизни
Александр Мишкин

© Александр Мишкин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Я танцую в ночном дожде. Мне нравится, как крупные капли пролетают сквозь меня, слегка щекоча прозрачное тело. Мне нравится рассекать крыльями тугие струи, стремительно проносясь сквозь них над самой землёй. И взмывать вверх, к плачущим тучам, нанизывая себя на нити дождя, будто огромную бусину.

Мне полюбилось это занятие недавно. Однажды, во время полёта к моему Человеку, меня настиг дождь. И случилось невероятное: впервые мне пришлось отвлечься от цели, отдавшись нахлынувшему, неведомому прежде наслаждению.

Ненадолго, на какой-то миг, но – отвлечься. А это противоречит всем правилам Хранителей. И никогда прежде ни с кем из нас не случалось. Кроме меня.

С того времени я часто ищу дождь. Именно такой, как сейчас: ночной, сильный, с крупными, крепкими каплями. И, когда нахожу, лечу туда, чтобы танцевать с ним.

Вот и теперь: полностью отдавшись танцу, моё сознание пропустило первые сигналы опасности. И спохватилось лишь тогда, когда мой Человек уже стал уходить.

Вслед за сознанием, к гибнущему Хранимому устремилось и моё тело. Размазавшись в небе длинным прозрачным сгустком, оно мчалось на помощь, заставляя тоскливо выть чутких к нам собак в городах и деревнях, мелькающих под крыльями.

Уже на подлёте меня настигло понимание того, что – не успеть.

Спикировав с высоты, обнимаю крыльями лежащее на земле окровавленное тело, укрывая моего Человека от опасности. Поздно. В нём нет больше жизни. А вернее, двух жизней: одна так и не успела родиться.

Мне не хватило всего нескольких мгновений, чтобы отвести смертельный удар. Случилось неслыханное: Хранитель оставил в беде своего Человека. Такое не прощается.

Погладив напоследок крылом успокоившееся лицо ушедшей, я взмываю вверх, к звёздам. И в тоске парю кругами под ними, смиренно ожидая наказания.

Вот и оно: мои крылья тают. Растворяются в воздухе, будто тонкий весенний лёд в воде под тёплыми лучами. Миг, другой – и исчезли совсем.

С высоты я падаю к земле. Тицетно пытаюсь раскрыть несуществующие крылья, чтобы наполнить их ветром и вновь взмыть в вышину. Земля всё ближе, ближе... Кричу в отчаянии, но крик мой тихий. Только собаки слышат Хранителей.

Земля и темнота встречают меня...

Часть первая

Гиблое место

7 сентября 1987 года, понедельник, посёлок Ноябрьский, 11—15.

Я остановился перед главным входом в больницу и скептически окинул взглядом кирпичное пятиэтажное здание. Судя по всему, строили его ещё при ком-то из Рюриковичей. С того же времени и ремонт не делали.

Ноябрьская районная больница не производила впечатления фабрики здоровья. Скорее, наоборот: мрачноватое красно-коричневое здание напоминало то ли психиатрическую лечебницу для буйных, то ли тюрьму для особо опасных рецидивистов. Сходство с последней особенно усиливали решётки на окнах, бесхитростно сваренные из арматуры и выкрашенные в жизнерадостный голубенький цвет.

Я тяжело вздохнул: в этом застенке мне предстоит провести целых два месяца. За что, спрашивается?!

Уж не знаю, чья это была идея: направить нас, молодых врачей-интернов из Нероградской областной больницы, в глубинку. Усилить, так сказать, сельское здравоохранение в районах области. Аж на целых два месяца. Подозреваю, что сия гениальная мысль посетила кого-то из облздоровских деятелей либо в горячечном бреде, либо в момент тяжёлой абстинентной депрессии на выходе из запоя. Когда очень хотелось поделиться с кем-нибудь своими неопи-сываемыми ощущениями.

И вот я, свежееиспечённый доктор Светин, протрясшись три часа в древнем «Икарусе», вывалился из него в аккурат у ворот Ноябрьской ЦРБ. Сиречь – центральной районной больницы, куда мне и предписано явиться пред светлы очи местного главврача.

Вздохнув ещё раз, я подхватил с земли сумку, взвалил её на плечо и направился к крыльцу.

Внутри больница оказалась значительно приятнее. Здесь, по крайней мере, не доминировала жутковатая красно-коричневая гамма. Всё было вполне пристойно: светленько, чистенько, тихонько. И даже неистребимые запахи приёмного отделения не слишком шибали в нос. Всего-то слегка наворачивали слезу, почти не вызывая удушья и рвотных позывов.

– Простите, не подскажете... – начал было я, наткнувшись на выплывшую из смотровой дородную даму в белом халате и накрахмаленном эрегированном колпаке.

– Сначала – сюда, сдадите кровь и мочу. Потом – туда, сдадите одежду и вещи, – не глядя, ткнула она пальцем в двери, – Потом – вон туда: получите больничную пижаму. Вши есть?

– Да нет, – оторопело пробормотал я, пытаясь сообразить, каким образом, сдав одежду в одном конце длинного коридора, получить казённое обмундирование в другом. Гольшом бежать, что ли? Простые нравы!

– Так да или нет? – ледяным тоном уточнила дама, хищно вглядываясь в мою шевелюру.

– Никак нет! – категорически заявил я, едва удержавшись, чтобы не добавить «Ваше благородие».

– Значит, брить не будем! – огорчилась она.

– Да я, собственно, не больной... – предпринял я вторую попытку объяснить.

– Донор?! – обрадовалась дама и цепко ухватила меня за правый локоть, – Вены хорошие, чудненько! Желтухой, сифилисом не болели?

В её голосе звучала такая надежда, что мне стало неловко:

– Никак нет! – уже привычно открестился я.

– Отлично! Сдавать будете двести или четыреста? Предлагаю четыреста, чтобы лишний раз не ходить, – она заметно оживилась и почти приплясывала в нетерпении.

– Литр! – я начал торговаться.

– Чего литр? – дама явно озадачилась.

– Литр возьмёте? Чтобы уж совсем потом не приходиться. Никогда, – уточнил я.

Она подумала немного:

– Нет, литр не возьмём. У нас такой тары нет.

Поняв, что переговоры зашли в тупик, я решил начать сызнова:

– Видите ли, я – врач...

– Так что же вы сразу-то не сказали?! – всплеснула дама полными ручками, – для врачей-то мы всегда расстараяемся! Возьмём мы у вас литр, возьмём, раз такое дело! Это же получается...

Она загнула несколько пальцев и радостно продолжила:

– Получается два флакона по четыреста и один – по двести! Идёмте, к главному зайдём за справочками, и – на сдачу! – радуясь, будто голодный упырь, отловивший на ужин упитанную селянку, она потащила меня за собой.

Сообразив, что алчущая моей крови особа тащит меня к главврачу, я смирился и покорно последовал за ней. Собственно, я и хотел-то узнать, где найти местное начальство.

Начальство озадаченно перебирало кипу бумаг, бормоча что-то себе под нос. На его голове красовался такой же накрахмаленный колпак, как и у моей провожатой. И столь же устрашающих размеров.

– Александр Иванович, я донора привела! – гордо заявила дама, – Хочет литр сдать. Врач, говорит.

Главный оторвался от своих бумажек и с неподдельным интересом воззрился на меня:

– Литр? А наберётся столько-то? Худоват, бледноват...

– Наберётся, наберётся! – поспешила она его успокоить, – Положим, ноги поднимем... потихоньку и натечёт!

Поняв, что пора прекращать балаган, пока из меня и в самом деле не откачали литр крови, я шагнул вперёд:

– Александр Иванович, произошло небольшое недоразумение! Я и в самом деле – врач, но не донор. Я...

– Так одно другому не мешает! – мудро заметило начальство.

Я кивнул:

– Согласен. Но я прибыл сюда не как донор, а по направлению облздравотдела. Вот! – и протянул главврачу командировочное удостоверение с направлением.

Тот разом поскущел и вздохнул:

– Ну давайте, посмотрим, что у вас там. Зинаида Петровна, можете идти. Это не донор, а всего лишь доктор.

Дама в колпаке смерила меня взглядом, исполненным глубочайшего разочарования, и царственно удалилась.

А главный, внимательно изучив мои бумаги, сдвинул колпак на правое ухо, откинулся в кресле и уставился на меня взглядом опытного работяги:

– Ну-с, Пал Палыч, и что мне прикажете с вами делать?

Я пожал плечами:

– В направлении написано, что...

– Да мне по, что там написано! – разоткровенничался мой собеседник, – У меня тут своих штатных врачей девать некуда, а они ещё интернов присылают! Вы кто по специальности?

– Терапевт. Буду специализироваться по кардиореанимации! – гордо заявил я.

– Терапевт, значит! Какая редкая профессия! – ехидно заметило начальство, – Да ещё и будущий кардиолог!

– Кардиореаниматолог! – поправил я его.

– О да, тем более! А знаете, что?

– Нет, – признался я.

– А езжайте-ка вы в Кобельки! – предложил вдруг главный.

– Зачем? – я оторопел.

– Там есть участковая больница, – пояснил он.

– И что?

– Двадцать коек плюс амбулатория! – начало интриговать начальство.

Я непонимающе смотрел на него.

– Два фельдшера, акушерка, служебная машина. С водителем! – главврач продолжал взахлёб расписывать прелести неведомой мне участковой больницы.

– Это замечательно, но при чём тут я?

– А при том, голубчик, что все эти сокровища пылятся в глуши без хозяина. Главного врача там нет. Вот уж пятый год! – сокрушённо пояснило начальство.

Я начал кое-что понимать:

– И вы хотите сказать, что...

– ... Что, в силу, так сказать, производственной необходимости, я направляю вас в вышеупомянутую больницу временно исполняющим обязанности главного врача. С наделением всеми соответствующими полномочиями! – торжественно провозгласил босс и принялся писать что-то в моём направлении.

Я оцепенел:

– Но позвольте, я...

– Не позволю, милейший Пал Палыч, не позволю! В направлении чёрным по белому написано, что вы поступаете в моё полное распоряжение сроком на два месяца. Вот я и распорядился! – главный размашисто расписался и шлёпнул на бумажку печать, – Итак, с этой минуты вы официально приступили к исполнению обязанностей. Сейчас я скомандую насчёт машины, а вы пока посидите в коридорчике, хорошо? Дела, знаете ли, дела!

Растерянно взяв со стола свои бумаги, я направился было к выходу.

– Минуточку, Пал Палыч! – главврач резво вскочил, обежал стол и оказался рядом со мной. Ростом он был мне по грудь. Но вместе с колпаком – выше меня.

– Поздравляю вас с началом трудовой деятельности, коллега, желаю успехов! – он торжественно потряс мне руку, усеменя на своё место и вновь зарылся в бумаги.

Аудиенция была окончена. Я вышел в коридор и уселся там на стульчик, пытаюсь осознать случившееся. Оно упорно не осознавалось.

Я, молодой врач, двадцати трёх лет от роду, только что окончил (с отличием!) славный Нероградский медицинский институт. Попал в интернатуру в областную больницу. Направлен в двухмесячную командировку в Ноябрьскую ЦРБ нюхнуть, что называется, порошу. Пока всё понятно и не страшно.

Кошмар начнётся через пару часов. Меня, сопливого лекаря с никаким опытом, отправляют руководить сельской участковой больницей. Туда, где в радиусе нескольких десятков километров я буду единственным врачом. При одной лишь мысли о том, с чем мне придётся столкнуться, в животе начиналось неприятное томление – явный предвестник медвежьей болезни.

– Ну-с, доктор Светин, начинается взрослая жизнь... – уныло пробормотал я и заозирался в поисках удобств.

7 сентября 1987 года, Ноябрьский район, 11—32.

Нина помахала рукой вслед удаляющейся попутке и осторожно спустилась с насыпи. Прошагав несколько десятков шагов по раскалённой степи, женщина углубилась в чахлую лесополосу. И с облегчением вздохнула: идти в тени было куда легче. Правда, приходилось смотреть под ноги: из утоптанной тропинки там и сям вылезали затейливо-скрюченные корни, так и норовя зацепиться за ногу. Ну, да это пустяки в сравнении с путешествием по солнцепёку: тут и обычный человек зажарится, а уж в её-то положении протопать под солнцем три километра до родительских Кобельков – задача не из простых.

Словно соглашаясь с матерью, в животе заёрзал Лёшка. И нетерпеливо пнул куда-то в печень: иди, дескать, не задерживай, обедать пора!

Нина охнула и улыбнулась: в свои восемь месяцев сын отличался завидной резвостью. Даже докторица удивлялась, когда УЗИ делала: мол, егоза он у вас, мамочка, ни секунды на месте не лежит! Хорошо хоть, дал рассмотреть своё мальчишеское хозяйство. С того времени и превратился из безымянного плода в Лёшку.

Она как—то сразу решила, что если мальчишка, то – Лёшка. В честь отца, стало быть. И плевать, что отец о сыне ничего не знает и не узнает никогда (уж она-то об этом позаботится!) Главное – осталось у неё живое напоминание о том коротком, трёхмесячном счастливом безумии: нахлынувшем, будто шальная волна в тихом море, закрутившем, завертевшем... да и швырнувшем на прибрежный песок её, совершенно обессиленную, опустошённую... и недоумевающую.

Собственно, она до сих пор так и не поняла, что же это с ней было такое... но точно знает: прежде ничего подобного не испытывала и вряд ли, наверное, ещё когда-то испытает. И ладно: не нужны ей эти потрясения: чай, не девочка давно... Любовь-морковь и прочие сопли – это всё для подростков. Жизнь должна идти по плану, иначе – теряешь себя.

Очередного мужа в её планах не было... А вот ребёнок – был.

Нина зябко передёрнула плечами, вспомнив, как посмотрел на неё Алексей, когда она заявила, что уходит. Что-то было такое в том взгляде... отчего она до сих пор иногда чувствует себя убийцей.

Женщина потрясла головой, отгоняя ненужные мысли и ускорила шаг. Плевать. Главное: она сохранила свою независимость, свою собственную, годами выстраиваемую жизнь... и получила Лёшку. А муж – это, знаете ли, для энергичной современной женщины придаток вовсе необязательный, даже лишний. Да и вредный: никакой, понимаешь, личной жизни...

Нина усмехнулась и прислушалась к тому, что происходило в её животе. Лёшка затаился, словно обдумывая материнские мысли. Ну, отдыхай, малыш, отдыхай: всё-таки, несколько часов трясись по жаре из Нерограда, да и впереди ещё почти час пешком... Ей и самой не мешало бы дух перевести.

Впереди блеснула вода. Озеро. Небольшое, но с прозрачной, чистейшей водой. И очень, очень холодной: тут со дна ключи бьют. Собственно, озеро так и называется: Ключевое.

Женщина улыбнулась в предвкушении: искупаться, конечно, не получится – вода ледяная, тут же судорогой всё сведёт. А вот умыться разгорячённое лицо родниковой водой, да напиться от души – это в самый раз. Эх, жаль живот не позволяет добежать до берега, как бывало в детстве... приходится вот так: степенно, вразвалочку, как и полагается будущей мамаше.

Она разулась, сошла с тропинки и напрямик, по траве, направилась к озерцу.

Волосы на затылке будто кто-то взъерошил холодной пятернёй. Нина остановилась и резко оглянулась: ей хорошо было знакомо это ощущение чужого взгляда... недоброго взгляда.

Никого. Никакого движения среди деревьев. Даже листва не колыхнется в полном безветрии.

Женщина постояла минуту, прислушиваясь и всматриваясь в лес. Ошибиться она не могла: слишком часто прежде доводилось ей ощущать спиной и затылком взгляды многочисленных недоброжелателей (чаще, конечно, недоброжелательниц!). Что поделаешь, за природную красоту и успешную карьеру приходится платить!

Но в этот раз, похоже, ошиблась. В затихшем, разморенном от жары лесу людей не наблюдалось. Кроме неё.

Успокоившись, Нина вновь двинулась к озеру. Подойдя к воде, осторожно попробовала её босой ногой: холодная! Женщина оглянулась ещё раз и, убедившись в отсутствии наблюдателей, быстро стянула через голову лёгкий летний сарафан.

Оставшись в одних трусиках, она вошла в воду, поёжилась и сделала несколько шагов вперёд. Ноги до колен тут же потеряли чувствительность: несмотря на жару, вода была просто ледяной. Как в далёком детстве, Нина опустила на колени, опёрлась руками на дно, погрузив разгорячённое лицо в обжигающую воду. И сделала осторожный глоток.

Сразу стало легче. Холодный ком прокатился по горлу и растёкся где-то внутри. Озеро ласково поглаживало мелкими ледяными волнами её выросший живот с притаившимся внутри Лёшкой и пощипывало оказавшиеся в воде соски. Это было неожиданно приятно, даже возбуждающе.

Нина с сожалением оторвалась от воды, чтобы сделать вдох. Солнце тут же мстительно наградило её горячими пощёчинами: лицо высохло моментально. Быстренько набрав побольше воздуха, женщина вновь опустила голову в воду. И открыла глаза.

Каменистое дно просматривалось далеко во все стороны: прозрачность пропитанной солнцем воды была идеальной. Наслаждаясь прохладой, Нина неторопливо ворочала головой, рассматривая небогатый подводный мир лесного озера. Собственно, кроме мелкой округлой гальки, на дне и не было ничего.

Воздух как-то быстро закончился. Всё-таки, наличие увесистого животика сказывается: ни тебе побегать, ни понырять... Улыбнувшись прямо в воде, Нина оттолкнулась руками от донных камней и разогнулась...

Вернее, попыталась разогнуться. Но её затылок встретил неожиданное препятствие: навалившаяся тяжесть пригнула голову ещё ниже, больно ткнув лбом в дно.

Страх пока не было. Было удивление. Нина скосила глаза вправо, влево, пытаясь рассмотреть, что же её держит. Не увидела ничего нового, кроме неясной тени на дне. Была ли она раньше, или нет, женщина вспомнить не успела...

В животе встрепенулся, забился Лёшка. Почувствовав нехватку кислорода, малыш больно замолотил ножками и ручками. Помогло: Нина будто проснулась и рванулась изо всех сил, пытаясь освободиться от неведомой силы.

В ответ голову ещё сильнее вдавило в камни. Правым глазом женщина увидела медленно растекающуюся в воде розовую струйку и поняла, что это – её кровь. Видимо, из рассечёной брови.

Вот тут-то и пришёл страх. Грудь уже разрывало коварное желание вдохнуть, в глазах темнело и мельтешили какие-то цветные пятна. Не в силах оторвать голову от проклятых камней, Нина забилась всем телом, пытаясь освободиться. Вышло ещё хуже: руки и ноги разъехались на скользкой гальке, и женщина распласталась на дне, сильно ударившись животом.

Резкая схваткообразная боль на несколько мгновений заставила Нину забыть об опасности. Низ живота сжался в тугий горячий комок, чуть расслабился, – и опять сжался. Боль часто пульсировала, нарастая и заполняя собой всё сознание.

«Рожаю!» – удивлённо констатировала женщина. Она не знала прежде, как это бывает, но отчего-то сразу поняла, что новая боль – это именно схватки. Только почему-то очень уж частые.

Словно в подтверждение её догадки, живот скрутило так, что лежащую на нём Нину ощутимо подбросило вверх. И тут же внутри будто что-то лопнуло. Вода между ног стала тёплой, почти горячей.

Нина опять попыталась вырваться. Но руки и ноги уже почти не подчинялись ей. Наполненное болью сознание быстро умирало, напоследок балуя хозяйку чередой сменяющихся причудливых видений, звуков и ощущений. Самым ярким из которых было странное чувство, будто Лёшка вылезает из неё, нещадно разрывая ручонками материнское лоно...

А потом всё кончилось.

7 сентября 1987 года, Ноябрьский район, 13—15.

Древний санитарный УАЗик вдруг со страшным скрежетом свернул с грейдера (это дорога такая, из насыпанного и утрамбованного гравия, чтоб вы знали!), резво скатился вниз по откосу и сбрендившим тушканчиком поскакал по степи.

– Какого... – поинтересовался было я, но на очередной кочке ископаемую машину швырнуло вверх и я влепился теменем в крышу кабины, пребольно прикусив язык.

Рот тут же наполнился кровью. Желание задавать вопросы как-то пропало.

– Спрявим тут, док! – оскалившись в улыбке, проорал Кешка, мой свежееобретённый персональный водитель, – По грейдеру крюк получится, километров двадцать! А мы – прямоком, через лесок, потом полем, бродом... а там уж рукой подать! А чо, машина – зверь! Я в армии на такой по горам знаешь, как скакал? Что твой сайгак! – Кешка громко захохотал, поскрёб пятернёй тельняшку на груди и крутанул руль, объезжая невесть откуда взявшийся в степи валун.

УАЗик послушно встал на два колеса и продолжил путь в таком положении. Навалившись на водилу, оказавшегося внизу, я прохрипел ему в ухо, борясь с тошнотой:

– А давай попробуем поездить на четырёх колёсах! Мне кажется, у тебя получится...

– Фигня вопрос! – легко согласился Кешка и с размаху поставил машину на четыре точки.

Меня швырнуло в пассажирскую дверь. Та с готовностью распахнулась, и я на три четверти организма вылетел из кабины, едва успев уцепиться за дверную раму, стекло в которой, к счастью, отсутствовало.

– Док, ты куда?! По нужде, что ли? – деликатно поинтересовался мой драйвер, вдавливая в пол педаль газа

–! – несколько витиевато объяснил я ему, судорожно цепляясь руками за открытую дверь, а ногами – за сиденье и обречённо наблюдая, как в каком-нибудь полуметре под моей... нижней частью спины с бешеной скоростью проносится неровная и очень твёрдая на вид земля.

– А-а-а! – с пониманием протянул Кешка.

Бросив руль, он наклонился ко мне и одним рывком втянул внутрь:

– Так бы сразу и сказал! Я-то подумал: может, приспичило, выйти решил, – Иннокентий заботливо и усердно принялся отряхивать с меня рыжую дорожную пыль.

– Кеша! – выдохнул я ему в ухо, обретая через какое-то время дар речи.

– Чо, Палыч? – улыбнулся он своей многозубой улыбкой и прозрачными голубыми глазами вопросительно уставился на меня.

– Кто ведёт машину, Кеша? – ласково поинтересовался я.

– Какую машину, док? – озадачился мой собеседник, безуспешно пытаясь избавить меня от пятна на левой брючине.

– Нашу машину! – тихо и задушевно уточнил я, борясь с острым приступом тошноты и ненормативной лексики.

Водитель, наконец, развернулся в сторону лобового стекла и присвистнул: прямо по курсу был овраг, мало уступающий по размерам Большому Каньону.

– Ох, ё! – констатировал Кешка, вцепился в руль и заложил очередной вираж.

Я уже привычно вылетел в дверь. Машина неслась над обрывом и теперь подо мной оказалась пропасть метров в десять глубиной.

– Док, держись, я сейчас! – проорал шофёр и потянулся было ко мне...

– Держи руль, твою мать! – взвыл я на всю степь, почувствовав, как вильнула машина, – Держи руль и тормози!

Кешка удивлённо взглянул на меня, но послушно убрал ногу с газа, неохотно переместив её на педаль тормоза. Уазик крикнул, клюнул носом и остановился.

Я сполз на землю, нагнулся над оврагом и... впрочем, грубую натуралистическую сцену лучше пропустить.

– Да, Палыч, зря ты в больничную столовку заходил... – участливо сообщил мне Кешка, пристроившись на корточках рядом.

Занятый процессом, я только кивнул и промычал что-то невнятное. Это уж точно, зря. С Кешкой надо ездить натошак и, желательно, под глубоким наркозом. Или в состоянии тяжёлого алкогольного опьянения – чтобы сохранить остатки психического здоровья.

– Далеко ещё? – поинтересовался я, полностью очистившись от всего съеденного за неделю.

– Да ерунда, вёрст пять-шесть, не больше. Сейчас через лесок проедем, мимо озера потом и готово – считай, приехали! – с энтузиазмом, показавшимся мне подозрительным, воскликнул водитель.

– Что-то ты про брод говорил? – вспомнил я.

– А что брод? Там из озера речушка вытекает, крохотная такая. Моста нет, так я брод знаю. Проскочим, даже ног не намочим! – бодро заявил Кешка.

Я тяжело вздохнул. Видимо, в таинственные Кобельки мне предстоит приехать не только очищенным изнутри, но и выстиранным-вымытым снаружи. Ин ладно, слава Богу, плавать я умею, а в такую жару намочнуть даже приятно...

– Поехали! – я поднялся и полез в опротивевшую кабину.

Зациклившись на ключевом слове «брод», я совершенно пропустил мимо ушей упоминание о поездке через лес. А зря.

УАЗик, виляя, нёсся между деревьями, подпрыгивая на многочисленных корнях. Кешка, оскалившись в неподвижной улыбке, паялся в лобовое стекло, лихо уворачивая машину от несущихся навстречу сосен, берёз и прочей поросли (ездить деревья совершенно не умели!)

А я вжался в кресло, вспоминая всё хорошее, что было в моей короткой жизни. И заодно гадал, какое из набегающих деревьев стукнет меня в лоб. Один раз, но сильно.

Просить водителя снизить скорость было бесполезно, это я уже понял: Кешка умел вести машину, только вдавив педаль газа до упора. Что такое тормоз, он представлял весьма смутно. Смирившись с судьбой, я закрыл глаза: одним доктором больше, одним меньше – какая, в сущности, разница!

– А вот и озеро! – радостно проорал Кешка мне в ухо.

Я встрепенулся и поднял веки. Последнее дерево со свистом пронеслось по правому борту – и лес кончился. Прямо перед нами и впрямь оказалось небольшое круглое озерце.

– Ключевое. Озеро Ключевое, называется так! Тут со дна родники бьют, вода жуть, какая холодная! – пояснил водитель.

– Однако же купаются! – заметил я.

– Кто купается? Палыч, тут и метра не проплывёшь, судорогой скрючит! Вода – ледяная! – возмутился Кешка.

– Купаются! Вон, гляди! – упрямо стоял я на своём, показывая вперёд.

На берегу пёстрым блином валялась одежда. А её хозяин, вернее – хозяйка, обнаружилась метрах в пятнадцати от берега. Женщина лежала на воде, раскинув руки и ноги, и опустив лицо вниз.

Кешка присвистнул:

– Во даёт баба! Не всякий мужик в Ключевом окунуться решится, а этой – хоть бы хны!

– Не хоть бы хны, Кеша! – пробормотал я, всматриваясь в распластанную неподвижную фигуру в озере, – Давай-ка к берегу! Быстрее!

Водитель искоса взглянул на меня и крутанул руль. УАЗик рванул к озеру. В считанные секунды машина преодолела оставшиеся метры и, вздымая фонтаны брызг, понеслась по мелководью к лежащему впереди телу. В том, что это именно «тело», я уже не сомневался.

Кешка ударил по тормозам. Я распахнул дверцу и, не разуваясь, прыгнул в воду. И тут же невольно охнул: ноги до колен обожгло холодом: вода в Ключевом и впрямь была ледяная.

– Палыч, она, кажись, мёртвая? – несмело предположил мой шофёр, тоже выпрыгнув из кабины и остановившись над лежащей вниз лицом женщиной.

– Похоже, да. Помоги-ка! – я взялся за холодные плечи.

С трудом мы перевернули тело. Никаких сомнений теперь не осталось: женщина мертва и уже давно: лицо, грудь и живот утопленницы покрывали характерные багровые пятна. Я напряг память, вспоминая курс судебной медицины. Если ничего не путаю, трупные пятна появляются через два часа после смерти.

– Док, это что? – хриплым шёпотом спросил Кешка, тыча пальцем куда-то вниз.

Я проследил взглядом и почувствовал, как ледяной холод, сковавший ноги, вдруг скакнул вверх и вцепился мне в грудь, заставив замереть сердце...

Трусики несчастной оказались спущенными до середины бёдер. А чуть выше, между ног, виднелась синеватая, сморщенная, покрытая редкими волосиками, головка младенца.

Кешка издал утробный звук и, зажав обеими руками рот, помчался к берегу. Я – за ним. Почти одновременно мы выбрались на сушу и упали на четвереньки.

Тошнило нас долго. Причём я совершенно не понимал, откуда во мне взялись такие резервы. Станным образом именно этот вопрос, а не наша страшная находка, завладел моим сознанием.

– Она что, в воде родила и утонула? – придя в себя, спросил Кешка.

Я пожал плечами:

– Там мелко, как она утонуть могла? Может, решила воды напиться, наклонилась, а тут схватки начались. Она от боли сознание потеряла, упала и захлебнулась. Может, сердце слабое было: не выдержало перепада температур... Или ещё что. Вскрытие нужно делать. Экспертиза нужна. А так гадать – дело неблагодарное.

– И что нам теперь делать?

– Милицию надо вызывать.

– Участкового нашего, что ли?

– Наверное. Он же у вас тут всю милицию представляет?

– Ну да, он, Семён Михалыч. Суровый мужик! – с неподдельным трепетом сообщил мне Кешка.

– Так давай звать твоего сурового мужика. Вот только как? – вдруг озадачился я, поняв, что на ближайших соснах телефонов-автоматов нет.

– Так у нас же рация в машине! – небрежно пожал плечами Иннокентий и побрёл по воде к УАЗику.

Я оторопело поглядел ему вслед. Оказывается, у меня теперь есть доступ к передовым средствам связи?! В положении и.о. главврача Кобельковской сельской больницы начали проявляться некоторые прелести.

Отойдя от ступора, я зашлёпал вслед за Кешкой.

7 сентября 1987 года, Ноябрьский район, 15—40.

– Как думаешь, Палыч, Нинка почему утонула? – после долгого молчания вопрос Семёна Михалыча заставил меня вздрогнуть от неожиданности.

– Трудно сказать. Молодая женщина, на вид здоровая, крепкая... Вскрытие, возможно, что-то прояснит, – выбираясь из задумчивости, пробормотал я.

И встрепенулся:

– Нинка?!

– Нинка Смурякова. Наша она, из Кобельков. Сразу после школы в область умотала, поступила в политех, кажется: отучилась, да так в Нерограде и осталась. Замуж сходилась ненадолго, потом развелась. В какие-то начальницы выбилась, к родителям в Кобельки редко заглядывала. Я её последний раз года три назад видел, – объяснил участковый.

«Суровый мужик» Семён Михалыч оказался чуть старше меня. Длинный, худой парень в форме лейтенанта милиции приехал на место происшествия через час после нашего вызова. И тоже на УАЗике. На классическом милицейском «воронке» с синей полоской по бортам, зарешеченной задней дверцей и даже с мигалкой на крыше.

Скупно кивнув, выслушав наш рассказ, участковый внимательно осмотрел тело и вернулся к своей машине. Негромко сказал что-то в рацию, выслушал ответ и ткнул пальцем в Кешку:

– Значит так: ты, Иннокентий, сейчас отвезёшь труп в ЦРБ, в морг. Там уже в курсе...

– Михалыч, да ты что?! Не повезу я покойницу, не проси даже! Да и вообще... мне доктора надо доставить! – замахал руками мой верный водитель, бледнея на глазах.

– Доктора я сам доставлю.

– Всё равно! Не повезу труп, хоть убей! У тебя машина есть, сам и вези! – храбро пискнул Кешка.

Семён Михалыч подошёл к нему вплотную и навис:

– Иннокентий! – ласковым тоном, от которого почему-то захотелось сходить повеситься в чаще, начал участковый, – Ну посуди сам, дружок, как я повезу? Лежачих мест у меня в машине нет, только сидячие. Ты видел когда-нибудь, чтобы трупы ездили сидя?

Кеша отрицательно помотал головой.

– И я не видел. Зато видел, как они ездят лёжа. Вот мы сейчас все вместе, аккуратненько так, уложим покойницу на носилки в твою машину. В салон, стало быть. А ты, Иннокентий, сядешь в кабину и поедешь. В морге сдашь тело и мне доложишь по рации о выполнении. Вопросы есть?

Кешка икнул.

– Вопросов нет. Приступаем к выполнению первой части задачи. Док, ты нам поможешь?

Втроём мы в конце концов загрузили тело в салон «санитарки». Бледный Кеша сел за руль.

– Давай, Иннокентий! Мы в тебя верим! – ободряюще заявил Михалыч и с размаху хлопнул ладонью по борту УАЗика.

Кешка вздрогнул и даванул на газ. Машина запрыгала к берегу и скрылась в лесу.

Участковый вздохнул и покачал головой:

– Молодёжь... – философски произнёс он.

Так мы и ехали с «суровым мужиком»: молча, думая каждый о своём. Пока Михалыч не начал разговор про утопленницу.

– Долго едем. Кешка говорил, есть какая-то короткая дорога, через брод. А мы опять на грейдер выехали, – заметил я.

Участковый усмехнулся:

– Кешка, конечно, водитель хороший, спору нет. Но – безголовый. Ты, Палыч, поосторожнее с ним... и поосторожнее. Никогда, ни при каких обстоятельствах, не позволяй ему ехать «короткой дорогой». В лучшем случае – опоздаешь на пару часов. В худшем – очнёшься в гипсе... если очнёшься.

– Добрый ты, лейтенант, – пробормотал я, ёжась и вспоминая, как выпадал из машины.

– Мудрый я, – скромно констатировал Михалыч, – И Кешку знаю, как облупленного.

Дорога резко свернула направо и за лесополосой открылась деревня.

– Приехали. Вот они, наши Кобельки! – с улыбкой и даже, как мне показалось, с некоторой гордостью, объявил лейтенант.

Кобельки не производили впечатления мегаполиса. На берегу здорового озера – пара десятков домов (или изб, как там правильно-то?); в геометрическом центре деревни – непонятное строение с колоннами по фасаду и неразличимой отсюда вывеской. Поодаль особняком стояли небольшая церковь и приземистое одноэтажное здание, сильно смахивающее на барак.

– А вон и больница! – палец участкового указывал в аккурат на него.

Я вздохнул. А чего, собственно, можно было ожидать от сельской участковой больницы? Бревенчатый барак, построенный по проекту местного архитектора дяди Пети в прошлом или позапрошлом веке... Впрочем, вряд ли: такая хибара столько не простоит.

– Больница была построена в конце девятнадцатого века! – гордо заявил Михалыч.

Я присвистнул: надо же, умели предки строить!

– Правда, сначала она была конюшней... – закончил экскурс в прошлое лейтенант и, зарулив в просторный больничный двор, остановил машину перед покосившимся крыльцом. Главврач Светин П. П. прибыл в свои владения.

– Ну, Палыч, удачи тебе. Знакомься пока с персоналом, осваивайся, а я в район поеду. Узнаю, что там на вскрытии. А ты – принимай хозяйство! – участковый несколько раз нажал на клаксон.

«Воронок» противно крикнул. Дверь с гордой надписью «Приёмное отделение» распахнулась и из полумрака древнего строения повалил народ.

Спустя минуту перед крыльцом выстроилась неровная шеренга встречающих в количестве пяти голов. Во главе строя оказался приземистый мужичок лет тридцати, облачённый в явно большой ему белый халат.

– Здравствуйте, доктор! А мы вас ждали! – радостно улыбаясь, прокричал он.

Я опомнился и выпрыгнул из машины. Мужичок тут же оказался рядом, вцепился в мою руку обеими своими и принялся энергично её трясти:

– Позвольте представиться: Антон Иванович, здешний фельдшер. А вас как величать? Вы не представляете, как мы рады: пятый год уже без доктора! Нам, как из района-то позвонили, что вы едете, так мы даже и не поверили сначала. Думали, может шутит кто. Ан нет, не шутили, оказывается. А вы к нам как: насовсем, или...

– Или! – я решил прервать словесный поток восторженного фельдшера, – Я к вам на два месяца, по направлению облздравотдела. А величать меня – Пал Палыч Светин.

– Очень приятно! – улыбнулась мне красивая статная дама лет сорока – сорока пяти, тоже при халате, – А я – Мария Глебовна, акушерка. Семья-то с вами не приедет?

Я улыбнулся в ответ и отрицательно покачал головой. Попытка выяснить моё семейное положение была весьма прозрачной, но эффективной:

– Не женат я. Пока. Так что семья не приедет ввиду отсутствия оной.

– Как же так: такой интересный мужчина – и не женат?! – радостно возмутилась Мария Глебовна и медленно пошла на меня грудью (весьма нешуточной, надо заметить!), – Так мы это поправим!

– Машка, доктор, ежели захочет, сам всё поправит! – между мной и надвигающейся акушеркой возникла маленькая, худющая пожилая тётка. В белом халате, разумеется.

Решительно отпихнув распалённую Марию Глебовну, моя спасительница обернулась ко мне:

– Вы, Пал Палыч, не тушуйтесь. Машка – она завсегда так: как увидит нового мужика, так начинает ему глазки строить. А уж неженатому-то и подавно!

– Очень обидны мне слова ваши, Клавдия Петровна! – классической фразой попробовала возмутиться акушерка, отнюдь не выглядящая обиженной. Скорее наоборот: в улыбающихся тёмных глазах Марии Глебовны резвились озорные чертенята.

Я вздохнул про себя: эх, была бы она помоложе лет эдак на двадцать...

Клавдия Петровна небрежно отмахнулась от неё рукой, будто от назойливой мухи, и потянула меня за рукав:

– Идёмте, доктор, я вашу квартирку покажу. Устали, поди, с дороги-то!

– Квартирку?! – изумился я, – А что, разве она здесь?

– А где ж ей ещё-то быть?! – в свою очередь удивилась моя провожатая, – У нас доктора испокон веку при больнице жили. На всём готовом.

Я опасливо покосился на исторический барак-конюшню. Ну-с, положим, лошадям когда-то здесь жилось неплохо. Наверное. Но я-то – не конь! Провести два месяца в стойле как-то не улыбалось.

– А... других вариантов никаких нет? – осторожно поинтересовался я.

Клавдия Петровна жалостливо посмотрела на меня:

– Да откуда ж им взяться-то? Гостиницы у нас тут отродясь не бывало... Есть, правда, в деревне пара-тройка пустых изб. Так они заброшены давно, разорены. Жить там нельзя... – она задумалась и окинула взором выстроившийся личный состав больницы, – Если только на постой к кому?

Мария Глебовна с чёткостью кремлёвского курсанта шагнула вперёд:

– Очень правильная мысль! – одобрила она.

Я икнул и поволок Клавдию Петровну внутрь:

– Ладно уж, показывайте вашу квартирку!

Жилплощадь оказалась вполне сносной. Большая светлая комната, обставленная разношёрстной мебелью. Здесь было всё необходимое, но до глубины души меня тронула огромная широкая кровать с резными деревянными спинками. Я подошёл и потрогал резьбу пальцем:

– Это что, кто-то из пациентов из музея спёр?

Клавдия Петровна оскорбилась:

– Да Бог с вами! Это подарок. Пару лет назад мы цыганского барона лечили. От пневмонии. Так он вылечился, уехал, а потом вот это чудо прислал. Мы думали-думали, куда его определить, да так ничего и не придумали. Так и стоит здесь с тех пор.

Я уселся на кровать и попрыгал на ней. Матрас приятно пружинил. Пожалуй, подарок неведомого барона сможет в какой-то мере скрасить мои серые будни в этой дыре.

– А удобства? – задал я главный вопрос.

– Чего? – озадачилась фельдшерица.

– Удобства, говорю, где?

– А, это сортир, что ли? – осенило Клавдию Петровну.

Я смущённо кивнул. Слово «сортир» отчего-то порождало во мне странную ассоциацию с дыркой в земле:

– Э-э... ну да. И ещё душ.

– Есть, есть, как же! Вот, рядышком тут, в коридорчике: специально отдельный сделали для доктора. И сортир, стало быть, и душ с ванной.. Окромя вас, Пал Палыч, никто не попользуется!

Я вздохнул с облегчением. Бегать по нужде за пару сотен метров в типовое деревянное строение, похоже, не придётся. И то славно.

– Часы тоже от щедрот барона? – поинтересовался я, указывая на роскошные напольные часы с маятником, заключённые в резной деревянный корпус. Маятник почему-то висел неподвижно. Весь прибор создавал впечатление очень древнего и ценного.

– Нет, откуда часы – никто не помнит. Скорее всего, из старой барской усадьбы.

– А почему стоят?

Клавдия Петровна таинственно улыбнулась, подошла к часам и открыла корпус:

– Механизма-то нет! Как им идти?

– Логично! – подтвердил я, заглядывая внутрь.

Механизма и в самом деле не было. Маятник и гири висели на гвоздиках, вбитых изнутри в заднюю стенку корпуса.

– Зато красиво! – гордо заявила фельдшерица.

Я кивнул и аккуратно закрыл дверцу часов. Красиво, тут не поспоришь.

– Ой, я же так и не представилась! – вдруг вспомнила моя гид.

– Вы – Клавдия Петровна, это я уже и так знаю! – успокоил её я.

– Ну да. Фельдшерица я. Двое нас тут, фельдшеров: Антошка... ну, Антон Иванович который, да я. Машка – акушерка. Ещё две санитарки имеются: Инка и Нинка...

– Это мы! – хором подтвердили две толстушки, возникшие в дверях.

– Ага, вот они. Инка с Нинкой ещё и готовят для больных, поварихи по совместительству, стало быть.

– Мы и для вас готовить будем, Пал Палыч! – обнадёжила меня Инка. Или Нинка?

Я благодарно кивнул. По крайней мере, с голоду я тут не помру. Судя по комплекции поварих, готовили они много и сытно.

– Итак, Клавдия Петровна, подведём итоги. Всего в больнице я насчитал пять душ персонала: вы, Антон Иванович, Мария Глебовна, две санитарки, они же поварихи... Никого не забыл?

– Никого... только... – фельдшерица замялась.

– Только что?

– Сынок мой, Данила...

– Что с ним?

– Он как бы при больнице...

Я потряс головой, пытаюсь вникнуть в суть полученной информации:

– «Как бы при больнице» – это как?! Живёт здесь, что ли?

– Да нет, живёт он дома, со мной. А тут... ну, помогает: Инке с Нинкой по кухне, полы моет, дрова рубит, тут гвоздь забить, там – дверь навесить, лежачим больным судно подать, перестелить...

– Он что, не работает у вас? Сколько лет-то ему?

Клавдия Петровна тяжело вздохнула:

– Тридцать исполнилось. Он у меня... ненормальный. С детства. Да вы не бойтесь, он добрый и тихий. Мухи не обидит! – поспешила она заверить меня.

– Да я и не боюсь, – пожал я плечами.

– Так вы не будете возражать, если Данилка так и будет тут, при больничке? Привык он. Да и к нему все давно привыкли.

– Конечно, пусть остаётся.

Фельдшерица прыгнула ко мне и затрясла руку:

– Дай вам Бог здоровья, Пал Палыч! Спасибо, спасибо огромное! А то я уж так боялась, думала: придет новый доктор, да по строгости-то и отвадит Данилу от больницы. А вы – вон какой... Добрый! Данила!!! – вдруг пронзительно заверещала она.

От неожиданности и боли в ушах я вздрогнул.

– Данила, иди сюда, скажи спасибо доктору!

– Я тут, ма! – в дверь, распахивая Нинку с Инкой, протиснулся здоровенный увалень лет тридцати с характерным выражением лица.

В комнате сразу стало тесно. Физическим здоровьем природа Данилу явно не обделила.

– Данька, это наш новый доктор, Пал Палыч! – представила меня Клавдия Петровна.

– Пал Палыч! – с готовностью повторил Данила и, широко улыбаясь, уставился на меня.

Я криво улыбнулся в ответ.

– Скажи спасибо доктору: он тебя при больнице разрешил оставить! – фельдшерица пихнула сына в спину костлявым кулачком.

Данила послушно шагнул ко мне и разулыбался ещё шире:

– Спасибо, док! – и сграбастал меня в объятия.

– Не за что! – сдавленно пискнул я, чувствуя себя кроликом, сдуру попавшим в кольца удава. Мои рёбра начали потрескивать.

– Вот видите, видите, Пал Палыч, какой Данька добрый! – приговаривала счастливая мамаша, бегая вокруг.

Подтверждая заявленный имидж, Данила сдавил меня ещё крепче. Я понял, что моей врачебной карьере приходит конец. Как и жизни.

– Клавдия Петровна, скажите сыну, чтобы меня отпустил! – просипел я в широкую грудь олигофрена, – Помру ведь...

– Ась?! – уточнила фельдшерица.

– П.....ц... – грустно констатировал я, поняв, что воздух закончился. И закрыл глаза.

7 сентября 1987 года, Ноябрьский район, 17—25.

Лодка мягко ткнулась носом в илистый берег небольшого озёрного острова. Терентий Иваныч с кряхтением перешагнул через борт и остановился, чувствуя, как кровь неохотно возвращается в затёкшие ноги.

– Дед, ты чего? – Петька приобнял старика за плечи, заглядывая в лицо.

– Да затекло всё. Сейчас, постою минутку-другую – и отпустит.

– Ну, ладно. А я пока пожитки выгружу.

Внук принялся деловито перетаскивать из лодки на берег палатку, удочки и прочий скраб. Наконец, уцепив опустевшую посудину за нос, Петька почти полностью вытащил её на сушу.

– Не унесёт? – больше для порядка осведомился дед.

– Да куда она денется? Не океан, чай, приливов-отливов и прочих цунами не бывает, – усмехнулся парень и, взваливая на плечи палатку и рюкзаки, поинтересовался, – Ну что, дед, оклемался?

– Да вроде.

– Тогда бери удочки и пошли. Сейчас палатку поставим, костерок организуем да ушицы наварим. Что-то я проголодался уже.

– Так немудрено. Мы когда от Кобельков-то отчалили? Часов в пять?

– В пять пятнадцать утра, я запомнил.

– Во-во. С того времени, почитай, и не ели-то. Так только, сухарики да колбаски чуток.

– Ничего, сейчас наворачаем! – бодро заявил Петька и зашагал вверх по склону холма.

Дед, побряхтывая и бормоча что-то себе под нос, побрёл следом.

Через пару минут внук добрался до вершины и скрылся из виду. Терентий Иванович продолжал старательно карабкаться вверх. Его бормотание сменилось громким сопением: для старика подъём был крутоват.

– Дед! Давай скорее сюда! Тут... – донёсся сверху встревоженный Петькин голос и оборвался на полуслове.

– Чего там у тебя?! – старик обеспокоенно встрепенулся.

Тишина в ответ.

– Петька! Ты чего? Что случилось?! – Терентий Иванович ускорил шаг.

– Дед, тут человек... – голос внука прозвучал как-то растерянно.

– Уф! – с облегчением выдохнул старик, – Напугал-то как... И чего? Какой человек? Чего ему надо?

– Да ничего не надо. И не ему, а ей! – Петька появился над склоном и протянул деду руку, выдёргивая его на вершину, – Вот, гляди!

В трёх шагах от оторопевшего старика лежала девушка. В безмятежной позе, закинув руки за голову, она напоминала задремавшую под солнцем пляжницу. Сходство особенно подчёркивало то, что одежды на девушке не было. Никакой.

– Она... живая? – шёпотом спросил Петька.

Опомнившись, Терентий Иванович, пожал плечами:

– Не знаю, – тоже шёпотом ответил он и присмотрелся, – Дышит, вроде.

– Спит? Да что она тут вообще делает-то? И как на остров попала? – продолжал допытываться внук, не отрывая глаз от странной находки.

– Не знаю, говорю! – огрызнулся дед, – И перестань пялиться!

Петька покраснел и отвёл глаза.

Девушка была красива. Какой-то нездешней, непривычной красотой. Ослепительно-белая кожа резко контрастировала с пышными, огненно-рыжими волосами, рассыпавшимися по траве. Тонкое тело с маленькой юной грудью казалось изваянным из мрамора. Будто какой-то сумасшедший скульптор приволок на этот Богом забытый островок мраморную глыбу, высек из неё чудную статую, да так и оставил здесь, неизвестно для кого и зачем...

– Прикрыть бы её надо... Петька, доставай свой спальник, живо! Не дело это – голой перед мужиками лежать, – распорядился дед и склонился над девушкой.

– Живая! Дышит и жилка на шее бьётся! – с заметным облегчением констатировал Терентий Иванович.

Петька тем временем достал спальный мешок, расстегнул его и, старательно отворачиваясь, укрыл находку. Оценил дело рук своих и тщательно подоткнул края спальника.

– Эй! Барышня! Как тебя... Просыпайся, домой пора! Эй! – Дед потряс девушку за плечо, сначала осторожно, тихо, затем – всё сильнее и сильнее.

Никакой реакции. Красавица и не думала открывать глаза. Она всё так же безмятежно спала, слегка улыбаясь во сне яркими, немного припухшими губами.

– Барышня, вставай! Вставай, кому говорят! – не на шутку рассердился дед, завидев такое равнодушие девушки к попыткам разбудить её.

Нет ответа.

– Дед, что делать-то будем? – не сводя глаз со спокойного спящего лица, поинтересовался Петька, сидящий по-турецки в сторонке.

– А я знаю?! Оставлять её тут нельзя, это понятно. Почему она не просыпается? Может, она и не спит вовсе, а без сознания? И как вообще она сюда попала? Где её одежда, лодка? – Старик выглядел растерянным.

– В больницу её надо везти! – резюмировал Петька и встал, – Давай, дед, хватай наши вещички, а я – девицу. И в лодку. Уха на сегодня отменяется: погребём обратно в Кобельки.

– Да уж! Поели ушицы... – крикнул дед и принялся навешивать на себя рюкзаки.

7 сентября 1987 года, Кобельки, участковая больница, 17—10.

Отобедав и отдав должное стараниям Инки с Нинкой, я в сопровождении новообретённой свиты отправился в обход своих владений. Процессия выглядела весьма внушительно:

Клавдия Петровна плечом к плечу с Антоном Ивановичем. Оба безостановочно тархтящие каждый своё, отчего уловить суть выдаваемой ими информации было практически невозможно.

Пал Палыч Светин (я то есть), исполняющий обязанности главного врача. Невероятно важный и изо всех сил старающийся выглядеть старше своих лет.

Мария Глебовна, как бы по инерции налетающая на меня грудью всякий раз, когда я останавливался. (Справедливости ради отмечу, что особого неприятия с моей стороны этот процесс не вызывал).

Инка с Нинкой – с трудом вписывающиеся в коридор, но упрямо шагающие шеренгой и в ногу. Отчего древнее здание больницы ритмично подпрыгивало.

Наши тылы надёжно прикрывал Данила, улыбаясь во весь рот и периодически издавая жутковатые утробные звуки (Клавдия Петровна утверждала, что это – пение).

Обход, разумеется, мы начали с приёмного отделения. К немалому своему удивлению, я обнаружил, что оно вполне недурно оснащено всем необходимым. Даже небольшие операции можно было бы проводить...

Я тяжело вздохнул. Можно было бы, если бы вчерашний студент Светин имел хоть какой-то практический опыт... На меня вновь накатила лёгкая паника: с какой патологией мне придётся тут столкнуться, как и чем буду лечить? А главное – и посоветоваться-то не с кем: один я тут такой, дипломированный. Савсэм одын!

– А тут у нас процедурная! – распахнула Клавдия Петровна очередную дверь.

Я шагнул внутрь, огляделся, важно кивнул и вышел. Процедурная, как процедурная.

– Теперь давайте по палатам пройдемся! – перехватил инициативу Антон Иванович и устремился к белой двери с ярко-алой цифрой «1», довольно небрежно намалёванной масляной краской.

Палат оказалось пять. Вернее, когда-то их было семь, но две дальние отделили от общего коридора простенком. В палате №6 теперь поселился я (весьма символично!) Седьмая палата пустовала, тоже переделанная в жилую комнату.

Быстренько осмотрев имеющихся в наличии больных (всего в больнице их было четверо) и сделав назначения, я направился было к своему кабинету (да-да, теперь у меня был свой кабинет!) Но меня остановил оклик Клавдии Петровны:

– Доктор, куда же вы? У нас ещё амбулатория есть!

Как же я забыл?! Ведь учил же когда-то структуру сельской участковой больницы: и в самом деле, должна быть при ней амбулатория. Сиречь – ма-аленькая такая поликлиника, где доктор ведёт первичный приём проходящих страдальцев.

В амбулатории оказалось людно. На длинных скамейках, расставленных вдоль стен, сидели человек пять, старательно держась за разные части своих тел.

– Здравсьте! – оторопело выпалил я.

– Здравствуйте, доктор! – нестройным, но дружным хором протянули терпелыцы.

Антон Иванович открыл передо мной дверь с воодушевляющей надписью: «Приём круглосуточно»:

– Прошу, Пал Палыч, пожалуйста сюда. Народ уж заждался. Мы тут, конечно, с утра немного разгребли, но пятеро ещё остались.

Я быстро прошёл внутрь и, впусив свою свиту, плотно закрыл дверь:

– Вы что, хотите сказать, что я прямо сейчас должен вести приём?!

В комнате повисла нездоровая тишина. Первой дар речи обрела Клавдия Петровна:

– Ну да, разумеется! А как же?

– Да вы не тушуйтесь, доктор, если что – мы вам поможем! – обнадѣжил меня Антон Иванович, раскрывая дверцы огромного допотопного шкафа, – Здесь у нас картотека.

На полках и в самом деле выстроились брошюры амбулаторных карт разной толщины.

– Все Кобельки тут! С окрестностями! – с гордостью заявил фельдшер, любовно проводя рукой по разноцветным корешкам.

Поняв, что романтика закончилась и началась суровая сермяжная проза трудовых будней, я вздохнул и уселся за стол:

– Приглашайте очередного! – и принялся нервно вертеть в пальцах карандаш.

В кабинете случилась короткая суета. Клавдия Петровна, разулыбавшись (как мне показалось, с облегчением), развернула персонал лицами к двери и в пару секунд вытолкала всех вон. И выпорхнула сама. Прикрывая за собой дверь, фельдшерица обернулась и довольно игриво подмигнула мне. Меня передёрнуло.

Со мной остался лишь Антон Иванович. Он уселся за свой столик, стоящий напротив моего, и деловито принялся раскладывать на нём какие-то журналы. Наконец, раскрыв самый толстый из них, фельдшер повернулся к двери и гаркнул:

– Следующий!

Дверь моментально распахнулась и в кабинет влетела маленькая бабулька лет эдак ста – ста двадцати. Широко улыбаясь беззубым ртом, ископаемое уселось на стул рядом со мной и констатировало:

– Молоденький!

– Ничего, это пройдёт! – успокоил я старушку и попытался направить разговор в деловое русло, – На что жалуетесь?

– Зинка, шопедка, шпёрла шо двора шолёные огуршы из кадки, шволочь шишяштая! – скорбно поведала бабка и с надеждой уставилась на меня.

– Какая сволочь? – оторопело уточнил я.

– Шишяштая! – с готовностью повторила пациентка.

Я вопросительно взглянул на Антона Ивановича.

– Сисястая! – перевёл он, не отрывая взгляда от журнала, в котором что-то писал.

Я почувствовал, что краснею. Карандаш в моих пальцах с громким хрустом сломался. Бабка подпрыгнула на стуле и втянула голову в плечи.

– Что? У вас? Болит? – раздельно процедил я.

– А-а! – поняла посетительница, – Так это... Там!

– Где?

– Ну там! – явно удивляясь моей непонятливости, старушка показала большим пальцем руки куда-то за своё плечо.

Я привстал и заглянул ей за спину:

– Спина, что ли?

– Не-е, милок, не шпина! – разулыбалась бабка, – Ниже!

Антон Иванович оторвался от своей писанины и отчеканил:

– Евлампия Прокловна неделю назад обратилась к нам с жалобами на боли в заднем проходе и умеренное кровотечение оттуда же. После проведенного осмотра мною был установлен диагноз: Хронический геморрой, обострение. В связи с чем было назначено лечение: свечи с реопирином и экстрактом ромашки. Сегодня Евлампия Прокловна явилась для контрольного осмотра и определения тактики дальнейшего лечения.

– Во-во, он шамый, еморой у меня! Там! – радостно закивала старушка и вновь махнула большим пальцем через плечо.

– Исчерпывающе! – пробормотал я и начал «определять тактику дальнейшего лечения», – Евлампия э-э... Прокловна, так вы свечи принимали?

– А как же, дохтур, принимала! Вот, как Антон Иваныч назначили, так и принимала: два раза в день, утром, штало быть, и перед шном.

– Хорошо. Легче стало?

– Штало, милок, штало! На третий день как рукой шняло! – разулыбалась пациентка.

– Замечательно. Но вы курс лечения закончили? – подозрительно нахмурил я брови.

– Как? – озадачилась Евлампия Прокловна.

– Я спрашиваю, свечи все использовали? – переформулировал я вопрос.

– Вше, вше! – поспешила она меня успокоить, – Шегодня только пошледнюю шъела!

Стул подо мной оглушительно треснул. Антон Иваныч закашлялся и, уронив ручку, полез за ней под стол. Кашель, донёсшийся оттуда, носил явные нотки истеричности.

– Вы п-п-последнюю с-с-вечу – что?! – от переполняющих меня чувств я начал заикаться.

– Шъела, дохтур, шъела! – невозмутимо повторила Евлампия Прокловна.

– Вы? Ели? Свечи? – разум отказывался верить услышанному и требовал уточнений.

– Ага! – с улыбкой кивнула бабка.

– И помогло?

– Да как рукой! – в подтверждение своих слов долгожительница энергичным жестом чиркнула себя большим пальцем по шее.

Я вздохнул и начал санпросветрабату:

– Видите ли, Евлампия Прокловна, то, что свечи вам помогли, – замечательно. Но мне кажется, что эффект от них был бы более ярким, если бы вы принимали свечи так, как положено...

– Так я ж их так и принимала! – удивлённо перебила меня бабка.

Я покачал головой:

– Нет, голубушка, вы принимали их в рот... как таблетки.

Старушка часто закивала головой и скривилась:

– В рот, милай, в рот! Только таблетку раз – и проглотишь, а свечку жуёшь-жуёшь, жуёшь-жуёшь... шклизкая, шволочь!

Представив этот процесс, я поёжился. Но терпеливо продолжал внушать:

– Евлампия Прокловна, свечи принимают не в рот!

– А в куда? – встрепелась бабка.

Кашель под столом усилился. Я как бы невзначай дёрнул ногой, задев что-то мягкое. Антон Иваныч утробно охнул и завозился, однако кашлять перестал.

– Свечи принимают... э-э-э... с другой стороны, так сказать! – попытался я корректно сформулировать путь введения ректальной свечи.

Евлампия Прокловна уставилась на меня. В тусклых старушечьих глазках плескалось детское изумление:

– Чаво?!

Из-под стола, будто чёртик из коробки, выскочил багровый и потный Антон Иваныч:

– В попу их вставляют, Прокловна, в попу!

Повисла нехорошая тишина. Фельдшер, осознав, что сотворил, съёжился и втянул голову в плечи. Я откинулся на спинку стула и прикрыл глаза. Вечер переставал быть томным.

– Куда-куда? – тихо переспросила Евлампия Прокловна и начала медленно приподниматься, нависая над залёгшим на столе Антоном Иванычем.

– Туда! – пискнул тот, безуспешно пытаясь слиться с ландшафтом.

Бабка, наконец, со скрипом распрямилась полностью и принялась объяснять несчастному фельдшеру всю никчёмность его жалкого существования. Получалось у неё весьма убедительно, хоть и не вполне цензурно.

Я невольно заслушался: в пылкой речи Евлампии Прокловны использовались такие обороты и метафоры, которых прежде никогда и нигде мне слышать не доводилось. Видимо, бабка принесла эти знания из прошлого века... или из позапрошлого? В старой школе были мастера...

Минут через десять милая старушка, видимо, получила полную сатисфакцию. Она умолкла, чинно уселась на своё место и целомудренно расправила на коленях длинную чёрную юбку. Застенчиво мне улыбнулась:

– Уж простите, Пал Палыч, выпылила чуток!

– Да полноте-с, Евлампия Прокловна, пустое! – успокоил я её, недоумевая, из каких глубин подсознания всплыли вдруг фразы, уместные разве что на балу у Шереметьевых, но никак не в амбулатории Кобельковской участковой больницы, – Не извольте беспокоиться, сударыня, любезнейший Антон Иванович позволил себе моветон и получил по заслугам...

Растоптанный фельдшер вздрогнул и несмело оторвал голову от столешницы.

– ...Однако, смею вас уверить, что его пароле *террибль (ужасные слова)* не лишены некоего смысла! – продолжил я мысль.

– Пуркуа? – осведомилась Евлампия Прокловна.

Антон Иванович опять сполз под стол. Оттуда донеслось сдавленное: – Опупеть!

Даже не удивившись глубоким познаниям собеседницы в области языков, я пояснил:

– Потому что свечи и в самом деле необходимо вводить в прямую кишку.

– Да ну? – изумилась бабка, – А больно не будет?

Ответить я не успел.

В коридоре раздался дробный топот, дверь распахнулась и в кабинет с перекошенным лицом влетела Клавдия Петровна:

– Пал Палыч, Антон, скорее в приёмное! Там... там целый грузовик больных привезли! Тяжёлые все, жуть!

Мигом позабыв про Евлампию Прокловну, я вскочил. Из-под стола, едва его не опрокинув, вылез Антон Иванович. Вдвоём мы нависли над тяжело дышащей фельдшерницей:

– Какой грузовик?! Каких больных? Откуда? – наши вопросы прозвучали почти синхронно.

Вместо ответа Клавдия Петровна лишь махнула рукой, приглашая следовать за собой, и выскочила за дверь. Переглянувшись, мы с фельдшером рванули за ней.

Пробегая через коридор амбулатории, я краем глаза заметил, что ожидающих больных заметно прибавилось. Раза в два. Однако раздумывать на эту тему было некогда.

В приёмном отделении было пусто. Зато на улице, перед крыльцом, жизнь была ключом.

Из кузова припаркованного у больницы грузовика какие-то мужики за руки и ноги вытаскивали тело. Оно было мужского пола и издавало невнятные звуки, которые в первом приближении можно было бы принять за стоны. Однако, прислушавшись, я с удивлением уловил знакомый мотивчик. Полуживой организм пытался напевать «Ой мороз, мороз»!

Между тем, мужички довольно бесцеремонно швырнули поющее тело к моим ногам и вновь полезли в кузов. Через несколько секунд человеческая куча на травке пополнилась ещё одной особью. Эта не пела, потому как была без сознания. Всего лишь часто и хрипло дышала.

Я присел рядом и взялся за запястье хрипящего. Пульс был, но совсем слабый, нитевидный. А рука болезного показалась мне невероятно горячей.

Подняв пациенту верхние веки, я осмотрел зрачки: широкие, реакции на свет почти нет. Плохо.

– Кто-нибудь может сказать, что случилось?! – не поднимая головы, крикнул я.

Вместо ответа рядом на траву плюхнулось ещё одно тело. Тоже без сознания. Мной начала овладевать лёгкая паника.

– Антон Иванович, займитесь им! – кивнул я на новоприбывшего. Этот, хоть и в беспамятстве, но не хрипел: дышал спокойно и свободно.

Фельдшер присел рядом со мной и завопил над своим пациентом.

Я рванул у моего подопечного рубашку, оголяя грудь. И невольно присвистнул: она была интенсивно-синего цвета, причём синева переходила на шею и лицо несчастного. А граница между синюшностью и нормальным цветом кожи оказалась весьма чёткой. Будто слюнявчик надели.

Синий «воротник»! Вкупе с сильнейшей одышкой и набухшими шейными венами, он давал классическую картину тромбоэмболии лёгочной артерии: крайне неприятного состояния, когда тромб отрывается где-нибудь в венах ног и летит с током крови в лёгкие, пока не закупорит собой один из тамошних сосудов. И всё, привет. Если артерия крупная – почти наверняка мгновенная смерть. Если поменьше – возможны варианты: либо смерть, но не сразу, либо...

Я посмотрел в синее лицо и вздохнул: ...либо получаем вот это. Как лечить тромбоэмболию в условиях Кобельковской участковой больницы, я представлял себе слабо.

– Антон Иванович, у нас ИВЛ есть? – безнадёжно поинтересовался я у копошащегося по соседству фельдшера.

– Чего? – изумлённо воззрился он на меня.

– Аппарат искусственного дыхания, спрашиваю, в больнице есть?

Иваныч отвесил челюсть.

– Ясно... – пробормотал я. Искомое аппарата в Кобельках явно не было.

Пациент захрипел ещё чаще. Я засёк время: частота дыхательных движений – сорок в минуту! Дыхание неэффективное. Ежели на искусственную вентиляцию больного перевести нельзя, надо срочно придумать что-то другое. Вот только что? В моём воспалённом сознании пронеслись обрывки воспоминаний из лекций и семинаров.

– Антон Иванович, морфин в больнице найдётся?

Не отрываясь от своих дел, фельдшер кивнул:

– Есть, конечно!

– Отлично. Клавдия Петровна, ставьте пока капельницу! – поймал я за халат проносящуюся мимо фельдшерицу.

– С чем? – присела она с другой стороны больного и принялась протирать его локтевой сгиб ваткой со спиртом.

– С физраствором. Когда поставите, введёте морфин!

Она с недоумением уставилась на меня:

– Зачем?! У него же болей нет!

– Зато есть одышка. А морфин её подавляет. Да делайте же, не теряйте время, – огрызнулся я, – Антон Иванович, вашему – тоже капельницу с физраствором и больше пока – ничего. Будем разбираться. Ах, да, кислород дайте обоим!

Клавдия Петровна пожала плечами и воткнула иглу в вену:

– А чего он такой горячий? – поинтересовалась она.

Это я и сам бы хотел знать. Пока фельдшерица возилась с капельницей, я перешёл к следующему больному. Который пел. Взялся за пульс и покачал головой: тоже так и пышет жаром!

Тем временем немногословные мужики выгрузили на травку ещё двоих. Слава Богу, эти пребывали в сознании, хоть и весьма спутанном. И тоже, тоже – горячие!

Какая-то странность, пока неосознанная, не давала мне покоя. Что-то было не так. Вот только что? Ладно, доктор Светин, соберись и рассуждай. Итак, имеем пятерых пациентов с явной гипертермией (повышенной температурой тела, стало быть). При таком жаре они должны быть... Какими они должны быть? Правильно: влажными. Хотя бы местами. А эти – сухие, как песок в пустыне. И о чём это нам говорит?

Я хлопнул себя по лбу: точно, обезвоживание! Мужики, похоже, получили банальный тепловой удар. Но каким образом?

– Откуда вы их привезли? – поинтересовался я у переминающихся с ноги на ногу мужиков из грузовика.

– У грейдера нашли. Километрах в двадцати отсюда, – виновато пробубнил один из них.

– А что они там делали? Что значит «нашли»? Они у дороги валялись, а вы их просто подобрали? Подробности, мне нужны подробности! – не замечая того, я почти орал, наседавая на съёжившихся аборигенов.

– В машине они сидели! – подал голос второй, который помоложе.

– В какой машине?

– В «запоре»... Ну, в «Запорожце», то есть. В ушастом.

– И что?

– Что – «что»? – не понял мой собеседник.

– Сидели пять мужиков в «Запорожце»... – тут я запнулся, осознав фантастическую экстремальность этого явления, – Сидели, стало быть, пятеро здоровых мужиков в ма-аленьком таком «Запорожце», плохели, синели и теряли сознание?

Туземцы дружно пожали плечами:

– Да вроде...

Я оторопело переводил взгляд с них на лежащие в рядок полуживые тела. Понятно, анамнез болезни придётся выяснять у самих пациентов. Когда оклемаются. Иначе толку не будет: водители грузовика застали, можно сказать, лишь финальный акт трагедии.

– Доктор, а доктор? – робко обратился ко мне старший.

– Что?

– Может, мы поедem, а? Нас в поле ждут, давно уже. Председатель головы свинтит и премии лишит.

Я невольно усмехнулся: если процесс будет происходить именно в этой последовательности, о премии мужичкам можно будет уже не беспокоиться.

– Да, да, конечно езжайте! Спасибо вам. А насчёт председателя не беспокойтесь – если что, адресуйте его ко мне. Я объясню, что вы вот этим, – я кивнул на лежащие тела, – жизнь спасли!

Мужики разулыбались, пожали мне руку и полезли в кабину. А я вернулся к своим доходам.

«Синий» теперь дышал намного спокойнее. Клавдия Петровна успела ввести морфин и приладить кислородную маску. Да и синюшность у бедняги несколько уменьшилась. В вену резво капал физраствор, восполняя потерянную (пока неизвестно, каким образом!) жидкость.

– Проверьте давление и сделайте в вену гепарин. Десять тысяч, – распорядился я и пошёл дальше.

Пациент Антона Иваныча уже пришёл в сознание и теперь удивлённо хлопал глазами поверх кислородной маски.

– Тоже – измерить давление. И температуру, всем обязательно измерить температуру! – спохватился я, – И ещё – взять кровь на гематокрит!

– Чего?! – хором взвыли оба фельдшера.

Ясно. «Нам таких слов не нать, нам чаво бы попроще...» Я забыл, что нахожусь не в Нерогградской областной больнице, где по первому щелчку пальцами прибегает толпа лаборантов и делает любые анализы. Вдохнув, я махнул рукой:

– Да так, ничего, перегрелся малость. Давайте-ка их по палатам определим. А то что ж они у нас так-то... в военно-полевых условиях.

– Данила!!! Айда больных таскать!!! – взвизгнула Клавдия Петровна.

У меня заложило уши.

7 сентября 1987 года, Кобельки, участковая больница, 19—10.

Я дописал историю болезни и потянулся. Первый день моей работы в качестве и.о. главврача полностью соответствовал определению «с корабля – на бал». За последние два часа я провёл интенсивную терапию пятерым тяжеленным больным. В результате – из крайне тяжелого их состояние стало от просто тяжёлого до вполне даже удовлетворительного.

Тяжёлым оставался пациент с тромбоэмболией: он, хоть и пришёл в себя, но по-прежнему внушал мне серьёзные опасения. Давление сам не держал, только на вазопрессорах и гормонах; к тому же, после прослушивания его лёгких я пришёл к нерадостному выводу о том, что назревает пневмония.

Зато остальные четверо поправлялись на глазах. Коррекция потерь жидкости и охлаждение (для чего пришлось выгрести почти все запасы льда из больничного погреба!) сотворили чудо. Недавние дохляки полностью пришли в норму и запросились домой. С каковой целью и отрядили делегата ко мне в кабинет пятнадцать минут назад.

Делегата я решил пошантажировать. Пообещал, что отпущу исцелённых лишь в том случае, если он, делегат, в подробностях расскажет мне обстоятельства, повлекшие за собой столь плачевное состояние моих пациентов.

Посланник помялся минуту... да и рассказал.

Какое-то время после окончания его рассказа я хватал раскрытым ртом воздух, не в силах вымолвить ни слова. Потом принялся биться лбом об стол в приступе истеричного смеха. Впрочем, смехом это назвать было сложно. Ржание: добротное такое, переливчатое ржание. Ну, а как ещё прикажете смеяться в бывшей конюшне?

Делегат поведал мне историю, достойную пера Дюма. Вернее, Дюмов – и отца, и сына.

Дело было так. В пятницу вечером пятеро мужичков решили съездить в соседнее село (пятнадцать вёрст!) в гости. Сборы были недолгими: прихватив с собой десяток литров самогонки, наши герои усадились в «Запорожец» и двинулись в путь.

Как пятеро упитанных организмов уместились в этой пародии на автомобиль, – объяснить не смог бы даже Эйнштейн с позиций собственной теории относительности.

Тронувшись, путешественники решили отметить благополучное начало тура. И отметили. Все, включая водителя (кстати, именно он и оказался в конце концов моим самым тяжёлым пациентом).

В результате, примерно на полпути «запор» не вписался в поворот, слетел с грейдера, проскакал по полю и въехал в столб. Но!

Столб оказался непростым. Знаете, встречаются иногда у дорог такие, сделанные из двух длинных брёвен, соединённых сверху и расходящихся книзу? Получается этаким треугольник, обращённый вершиной вверх.

«Запорожец» въехал в аккурат промеж брёвен. И заклинился там. Да так здорово, что обе двери (а в «запоре» их всего-то две!) оказались намертво заблокированными.

Осознание трагизма ситуации пришло к страдальцам не сразу. Поначалу они обрадовались тому, что живы. И тут же это отметили. Потом отметили то, что машина осталась цела. Потом тяпнули за преодоление половины пути. И понеслось...

Напомню: был вечер пятницы. По грейдеру и в будни-то редко, кто ездит. А уж в преддверии выходных...

Через пару часов кому-то понадобилось выйти по естественной надобности. Поняв, что двери не открываются, мужички опустили стёкла и попытались выйти в окна. Но проклятые брёвна загораживали собой проёмы. Тогда путешественники принялись звать на помощь. Эхо было им ответом...

Прошла ночь, настало утро субботы. Дорога по-прежнему была пуста. Сидельцы охрипли, безуспешно взывая к пространству. Воды у них с собой не было, поэтому жажду утоляли самогоном. А нужду, pardon, справляли в окна.

А потом взошло солнце... Температура за бортом неуклонно приближалась к обычным для этого времени года на Нероградщине двадцати пяти градусам. В тени...

Тени столб не давал. А «запор», к несчастью, был тёмно-синим. И потому его содержимое вмиг нагрелось градусов до пятидесяти. Мужики пили, орали, опять пили, опять орали...

Так прошла суббота. Потом воскресенье. Потом – почти весь понедельник. И только на закате дня на грейдере появился уже знакомый нам грузовик...

Прекратив биться об стол, я поднял голову, вытер слёзы и уставился на недоумевающего делегата:

– Вы, пятеро здоровых лбов, не могли выдавить лобовое или заднее стекло?! И вылезти? Вы же помереть могли, идиоты! И так уж почти померли!

Делегат шмыгнул носом и потупился:

– Не хотели.

– Не хо... – у меня перехватило дыхание, – Не хотели?! Да почему же?!

– Машину жалко!

– Клавдия Петровна! – заорал я.

Фельдшерица моментально материализовалась на пороге:

– Да, Пал Палыч?

– Проводите этого... автолюбителя к остальным. И оформите их на выписку, – устало распорядился я.

– Всех?!

– Кроме того, который под капельницей, разумеется.

– Есть! – по-военному отрапортовала Клавдия Петровна и вытолкала парламентёра вон.

Воспользовавшись минутной передышкой, я подошёл к окну. Вид отсюда открывался изумительный. Больница стояла на холме и из её окон видна была вся округа. Прямо перед глазами – большое озеро, на берегу которого примостились Кобельки. Справа – лес. Слева – тянущаяся до самого горизонта степь.

– Лепота! – пробормотал я

– Пал Палыч! – раздалось за спиной.

От неожиданности я вздрогнул и резко обернулся. Передо мной, к каком-нибудь шаге, стоял Антон Иванович. Вид у него был изрядно озадаченный.

– Уф, испугали! Чего подкрадываетесь так? А если бы я рефлекторно вас того... в челюсть?

Фельдшер криво улыбнулся:

– Значит, поделом мне.

«Фаталист, стало быть? Ох, не похож!» – подумал я, рассматривая хитрые глазки Иваныча.

Но вслух спросил другое:

– Что опять случилось?

– Да у нас тут всё время что-то случается! – оптимистично сообщил мне фельдшер, – Там рыбаки девушку привезли. Без сознания.

– Утонула, что ли? – уточнил я уже на ходу, выскакивая в коридор.

– Да нет, вроде. Они её на суше нашли уже в таком виде.

– В каком – «в таком»?

Антон Иванович замялся:

– Да сами сейчас увидите. Сюда, пожалуйста, в смотровую! – и открыл мне дверь.

На кушетке, закутанная во что-то вроде одеяла, лежала девушка. Красивое, спокойное лицо её обрамляла виньетка из огненно-рыжих волос. Закрытые веки слегка подрагивали.

– Пульс шестьдесят в минуту, дыхание – шестнадцать, давление – сто десять на семьдесят! – сообщила Клавдия Петровна.

– При каких обстоятельствах её нашли? – поинтересовался я у стоящих поодаль мужчин – старика и парня лет двадцати пяти.

– На острове. Она лежала на холме... голая совсем, – несмело сообщил дед.

– Голая?! А как она туда попала?

Старик развёл руками:

– Не знаем. Лодки никакой мы не видели, её одежду не нашли. Чудно как-то...

– Да уж... – согласился я и обратился к фельдшеру, – Антон Иванович, надо бы участкового вызвать. Кто его знает, как она на остров попала. Может, и не по своей воле. Пусть разбирается, это по его части.

Иваныч кивнул и выскочил из кабинета. А я склонился над девушкой:

– Всех, кроме Клавдии Петровны, прошу выйти из смотровой.

Комната вмиг опустела. Убедившись, что со мной осталась лишь фельдшерица, я откинул одеяло. Вернее, спальный мешок. И замер...

Эх, учили меня – учили, что врач при исполнении – существо бесполое, да всё зря! Потому что, едва завидев мою новую пациентку, я понял, что пропал. Просто что-то щёлкнуло где-то в голове – и всё. Передо мной лежала уже не больная, жаждущая моей помощи, а – Мечта. Именно так, с большой буквы.

Я оторопело вглядывался в бледное лицо и не понимал, что со мной происходит. Я *знал*, что всегда ждал встречи с той, которая сейчас мирно спала на обшарпанной больничной кушетке в Богом забытых Кобельках. Откуда взялось это знание – неведомо. Но в его истинности я был уверен. Это лицо я уже видел раньше. В собственных снах.

– Пал Палыч! – подёргала меня за рукав Клавдия Петровна.

– Да?! – встрепенулся я, пытаюсь прогнать наваждение.

– Что с вами? Вы как-то побледнели весь. Устали, наверное, с дороги-то, да после всех наших заморочек?

Я замотал головой:

– Нет-нет, всё в порядке! Задумался просто.

Осмотрев девушку, я присел рядом на стул и задумался. Никаких тревожных признаков болезней или, тем более, ранений, я не нашёл. Красавица, похоже, просто-напросто спала. Очень крепко, потому что мои манипуляции её не разбудили.

– Что с ней? – шёпотом спросила Клавдия Петровна.

Я пожал плечами:

– Спит.

– Просто спит?

– Похоже, именно так. Кстати, вы её не знаете? Не из местных, часом?

Фельдшерица отрицательно помотала головой:

– Не из Кобельков, точно.

– Как же она на остров-то попала? – не надеясь на ответ, спросил я.

– Ох, не знаю, Пал Палыч. Да ещё в таком-то виде! Может... – она запнулась.

– Может что?

– Может, её обидел кто? Ну, вы понимаете, о чём я? Снасилъничал и бросил.

Я поёжился. У меня и в мыслях не было, что над этим волшебным созданием кто-то мог вот так надругаться...

– Кто знает? Надо бы проверить, наверное?
Клавдия Петровна выглянула в коридор:
– Марья! Зайди-ка сюда!
В дверь павой вплыла Мария Глебовна:
– Что случилось? Рожает кто-то?
Я указал на странную пациентку:
– Мария Глебовна, осмотрите девушку, пожалуйста. Есть подозрение, что её могли... изнасиловать, – глухо выдавил из себя последнее слово.
Акушерка присела у кушетки и принялась натягивать перчатки.
– Подождите! – остановил я её и направился к выходу.
– Что? – Мария Глебовна в недоумении обернулась ко мне.
– Я... выйду пока! – сказал я и почувствовал, что краснею.
– Зачем?! – хором спросили акушерка с фельдшерницей.
Но я уже выскочил в коридор и захлопнул за собой дверь.

Через минуту из смотровой выглянула Клавдия Петровна:
– Пал Палыч, заходите!
– Что, уже?
– Уже, уже! – разулыбалась она.
Я вернулся в кабинет:
– Ну?
Акушерка с хитрой улыбкой окинула меня взглядом:
– Да всё в порядке. Девочка она ещё! – и принялась стаскивать с рук перчатки.
С души свалился здоровенный камень. Видимо, облегчение моё было столь явным, что Мария Глебовна хмыкнула себе под нос и покачала головой. Я тут же сделал строгое лицо:
– Клавдия Петровна, определите больную в пятую палату. Пусть там полежит, пока не проснётся.
– Назначения какие-нибудь будут?
– Никаких. Спит человек – и пусть спит. Понаблюдаем пока.
Фельдшерница кивнула головой, высунулась в коридор и завопила:
– Данька! Давай сюда, работа есть!
Я вздохнул и с опаской поглядел на спящую красавицу. Та и ухом не повела.

20 августа 1987 года, Кобельки, 02—28.

Сон не приходил. Алёна ворочалась в постели уже почти два часа, безуспешно пытаюсь уснуть. В отчаянной злости она колотила кулачками подушку и даже кусала её. Будто та виновата во всех бедах, так внезапно навалившихся на Алёнины плечи.

Собственно, беда была только одна. Зато такая, которую сама Алёна с радостью поменяла бы на десяток любых других. Если бы могла. Но – увы! Поздно, девочка, поздно...

Да уж и не девочка, кстати. Четыре месяца, как рассталась с невинностью. И без всякого сожаления, надо заметить. Правда, удовольствия особого тогда она тоже не испытала. Скорее, какую-то дурацкую гордость за себя: мол, вот теперь-то я совсем-совсем взрослая! И всё у меня – как у людей. То есть, как у подружек, которые давным-давно и без всякого стеснения хвастают, как у них ЭТО было...

Теперь ЭТО было и у Алёны. А сегодня она узнала, что скоро у неё появится такой повод «похвастаться» перед подружками, какого у тех не будет ещё долго! К их же счастью.

Алёна зло усмехнулась и опять всадила кулак в несчастную подушку. Дура, полная, законченная дура! Решила доказать что-то... И кому, спрашивается? Витьке, который променял её на эту очкастую плоскую дылду из 10-А? Ну уж нет, себе-то Алёна врать не будет:

Витька, по большому счёту, ей был глубоко безразличен. И шансов никаких у него не было. Помнится, она даже вздохнула с облегчением, завидев на дискотеке Витьку в обнимку с этой... глистой.

И тогда, под тем симпатичным приезжим, Алёна всё доказывала исключительно себе: собственную полноценность, привлекательность и взрослость.

Доказала. Ай, молодец! И спохватилась-то, дура, только тогда, когда аборт делать уже поздно. Это ей сегодня очень популярно акушерка объяснила.

Алёна вздохнула. Нет, ну надо же, четыре месяца не было месячных, а она и не заметила! Просто забыла напрочь. Ну, не дура ли?

Конечно, уважительных причин для такой «забывчивости» – хоть отбавляй: тут тебе и выпускные, и вступительные в медицинский... Она же теперь – студентка! И в сентябре переедет из опротивевших Кобельков в Нероград, в общежитие. Начнётся новая, весёлая студенческая жизнь...

На глаза навернулись слёзы и Алёна зарылась лицом в подушку. Ни хрена у неё не начнётся! Потому что через каких-то пять месяцев ей рожать. А это значит – прощай, учёба, прощай буйное, весёлое студенчество... Здравствуй, сомнительное будущее матери-одиночки без образования и профессии!

Слава Богу, хоть родители ничего не знают. Пока. Уехали оба куда-то в соседний Казахстан на похороны неведомого Алёне дальнего родственника. Как не цинично это звучит, но похороны случились кстати: ей ох, как надо сейчас побыть одной. Собрать мысли в кучку и что-то придумать.

Хотя, что уж тут придумаешь? Мария Глебовна, акушерка, сегодня вполне определённо сказала: теперь – только рожать! Поезд ушёл...

Алёна ещё раз, от души, врезала бессловесной подушке и села в кровати. Сон отступил окончательно. Вместо него в голову лезли подленькие мыслишки о её невесёлых и, увы, таких близких перспективах.

Откуда-то из прихожей донёсся лёгкий треск. Потом ещё раз. И ещё...

Алёна вздрогнула и почувствовала, как покрывается «гусиной кожей». Этот звук она хорошо знала: так трескали половицы в сенях. Когда на них кто-нибудь наступал.

Опять треск! Уже ближе. Из прихожей в сторону её спальни определённо кто-то шёл. Не спеша, крадучись, явно стараясь производить как можно меньше шума.

Алёна вскочила и торопливо принялась натягивать халатик, с трудом попадая в рукава трясущимися и вмиг онемевшими от страха руками. На цыпочках подошла к двери и приложила ухо к прохладному дереву. Прислушалась.

Тишина. Лишь за окном привычно орали сверчки. В соседней комнате, казалось, не было никого. Как и предполагалось.

Осторожно, стараясь не шуметь, Алёна перевела дух. Неужели показалось? Она послушала ещё минуту-другую, а потом рискнула приоткрыть дверь.

В большой прихожей темень стояла непроглядная. Если спальня хоть как-то освещалась скудным лунным светом, то здесь глубокую черноту не нарушало ничего. Окон в сенях не было.

Алёна протянула руку, нащупала выключатель и щёлкнула им. Свет не зажёгся. Она безнадёжно пощёлкала ещё, уже понимая, что – зря.

В центре прихожей что-то произошло. Темнота словно сгустилась в одном месте, приобретая неясные, расплывчатые очертания. Потянуло сквозняком с затхлым каким-то, неживым запахом. И вновь послышался треск.

Бесформенный сгусток темноты наплывал на Алёну. Бесплотным, похоже, он не был: половицы жалобно потрескивали под тяжестью.

Женщина отпрянула назад. Она во все глаза всматривалась во мрак, пытаясь разглядеть надвигающееся нечто.

Память некстати подсунула Алёне картинку из недавнего совсем детства: она лежит, уютно свернувшись клубочком, в постели, устроив голову на коленях отца. А он, повинувшись её же просьбе, страшным (и смешным!) шёпотом рассказывает очередную «страшилку» про домового. Как тот приходит ночью к непослушным девочкам и крадёт их дыхание...

Треск раздался совсем близко. Тёмный сгусток уже был на пороге спальни. На Алёну вновь повеяло затхлостью и ещё чем-то зловонным.

«Домовых не бывает!» – попыталась она себя успокоить, но только перепугалась ещё больше.

Женщиной овладела паника. С трудом оторвав взгляд от страшного гостя, она развернулась и рванулась к единственному свободному выходу из спальни. К окну.

Три шага. Всего три шага отделяли Алёну от спасительного, распахнутого по случаю жары окна. Чувствуя спиной холодный, злобный взгляд из темноты, она сделала один шаг, другой...

А на третьем её нога зацепилась за предательскую складку на ковре и Алёна с размаху упала на постель. Лицом в подушку.

Тут же попыталась встать, но не успела: невероятная тяжесть навалилась на её спину и затылок, вдавливая лицо в пёструю наволочку.

Женщина забилась, пытаясь освободиться. Но тёмный гость держал крепко, не позволяя своей жертве вырваться.

Тогда она попыталась позвать на помощь. Тщетно: в подушку много не накричишь.

А воздух очень быстро заканчивался. Алёна забилась ещё сильнее. Теперь не только от дикого, нечеловеческого страха, но и от удушья.

Тяжелая темнота всё сильнее и сильнее вдавливала женщину в постель. В какой-то миг Алёна с ужасающей ясностью поняла, что вот-вот – и воздух закончится.

Он и закончился. Женщина попыталась сделать вдох, но в забитые подушкой рот и ноздри не попало ничего. Алёна силилась вдохнуть ещё и ещё, до боли в сведённой судорогой груди.

Сознание стремительно затухало. Женщина уже не боролась: она просто смиренно лежала, вдавленная в кровать. И без всякого интереса наблюдала, как перед закрытыми глазами неторопливо проплывают кадры из её же собственной жизни. Алёна вяло смотрела это странное и страшное кино.

Пока оно не кончилось...

7 сентября 1987 года, Кобельки, участковая больница, 23—40.

– В следующий раз, поцарапавшись, используйте банальный йод. Или зелёнку. Здоровее будете! – процедил я, вскрывая огромный гнойник на плече несчастного тракториста.

– Так ведь подорожник же прикладывал! – начал было оправдываться тот.

– Ах да, конечно! Как я мог забыть! Сорвали у дороги лопух, им и полечились...

– Подорожник!

– Сорри, подорожник! Присыпанный, надо полагать, толстым слоем землицы? – злобствовал я, вычищая и дренируя гигантскую гнойную полость.

– Я ж его вытер! – в отчаянии взвыл мой пациент, извиваясь от боли.

Я добавил ещё новокаина и продолжил воспитательную беседу:

– Просто вытерли? Вот так вот – взяли и вытерли?

– Не-е! Поплевал сначала! – с достоинством уточнил болезный.

Я вздохнул и решил прекратить дискуссию ввиду наличия у оппонента явного преимущества в логике. Засунув в рану пару резинок и приладив поверх неё повязку с гипертоническим раствором, пробурчал:

– Завтра после обеда придёте на перевязку. Температуру меряйте: если повысится, придёте раньше!

Антон Иванович вывел фаната подорожников за дверь и через пару секунд вернулся, сияющий:

– Пал Палыч, всё! Нет больше никого!

Я взглянул на часы: до полуночи оставалось несколько минут. Однако!

– У вас тут всегда так... насыщенно? Ну, амбулаторный приём до ночи – это в порядке вещей, или просто мне сегодня так повезло?

Фельдшер замялся:

– Э-э-э... Ну... Почти!

– Почти что?

– Почти всегда! – виновато развёл руками Иванович, – Раньше, пока в Бедулино и Антоновке участковые больницы не позакрывали, у нас поспокойнее было. А теперь – со всех окрестных деревень народ, случись чего, к нам едет. Сюда-то ближе, чем в райцентр...

Фельдшер прервался на минутку, задумавшись, а потом ещё добавил мне радости:

– Хотя, знаете, сегодня и в самом деле народу побольше, чем обычно. Слух-то прошёл, что у нас доктор появился. Теперь косяком попрут!

Я поёжился. Через два месяца, похоже, я вернусь в Нероград истощённым организмом спокойных сине-зелёных тонов, с тихим таким, шелестящим голосом... Ах да, ещё и обросшим косматой бородой и шевелюрой а-ля Робинзон Крузо, поскольку стричься и бриться мне явно будет некогда. Ну и, разумеется, тени я отбрасывать не буду, потому как – нечем.

– Скажите, Антон Иванович, а как же вы? Вы сами, Клавдия Петровна, Мария Глебовна? Вас же тут трое всего, медработников, верно? И все до сих пор в больнице! Когда же вы отдыхаете, спите, в отпуск уходите?!

Фельдшер пожал плечами:

– Да как-то... Попривыкли уж. Дежури́м на дому, если что – ночью вызывают. В отпуск, правда, давно не ходили. Лет пять.

– Но это же... это же... – в волнении я даже не мог подобрать слов, – Так же нельзя, это крепостное право какое-то получается! Вы же просто привязаны к больнице, как, простите, пёс цепью к своей будке!

Антон Иванович немного удивлённо посмотрел на меня:

– А что делать, Пал Палыч? Вы же сами сказали – нас тут трое всего, медработников. А люди ж болеют, травмируются, травятся, тонут, угорают, обмораживаются... да мало ли что! Тут, на селе, знаете, какие случаи тяжёлые бывают? В городе такое и не снилось!

Я машинально кивнул. Знаю. Уже знаю.

– И все – к нам! – продолжал фельдшер, – И ведь никому не откажешь. Даже не потому, что долг медика и тэ дэ и тэ пэ. Мы живём тут, в Кобельках. И всех знаем, как облупленных: с кем-то детей крестили, с кем-то на охоту ходили, или там на рыбалку, кто-то мне крышу перекрывал, с кем-то в школе в подсобке целовались... – он улыбнулся, – Соседи мы тут все. А половина села – родственники второй половине. И как тут кому-то откажешь? Да после этого можно смело отсюда уезжать, потому что больше жизни в Кобельках тебе не будет...

Дверь в перевязочную распахнулась:

– Пал Палыч, большую привезли! – Клавдия Петровна выглядела встревоженной.

Я взглянул на часы: полночь. Джентльмены пьют и отдыхают...

– С чем?

– Криминальный аборт. Кровотечение.

Лихорадочно вспоминая, что полагается делать в таких случаях, я помчался вслед за фельдшерницей. Позади с топотом бежал Антон Иванович.

На улице темень стояла непроглядная. «Надо бы как-то освещение перед приёмным устроить!» – подумал я, направляясь к светлому силуэту машины, с трудом угадывающемуся в каких-нибудь трёх шагах от крыльца.

Кто-то услужливо распахнул передо мной заднюю дверцу:

– Сюда, доктор, тут она! – сообщил взволнованный мужской голос.

Я наклонился и полез внутрь. В салоне моя нога угодила в лужу: в левом туфле противно захлопало. «Где же они грязь-то нашли, дождя вроде не было?!» – пронеслось в голове.

Впрочем, едва слышимый стон, раздавшийся из темноты в каких-то сантиметрах от моего лица, заставил меня забыть о несущественном. Я вгляделся в темноту.

Прямо передо мной светилось лицо. Именно «светилось», потому что было оно таким белым, что даже полуночная темнота не в силах оказалась погасить, спрятать в себе эту белизну.

– На что жалуетесь? – от неожиданности задал я совершенно дурацкий и неуместный вопрос.

Белое лицо хранило молчание, лишь часто дыша и слегка постанывая. Наощупь я нашёл холодное тонкое запястье и сжал его пальцами. Пульс едва определялся.

Ладно, нет времени на вопросы. Всё – потом.

– Помогите её вытащить! – прокричал я, схватив хрупкое тело в охапку и пятась наружу.

Тут же рядом возникла ещё пара рук. Вдвоём с неизвестным мы извлекли обмякшую женщину из машины и на руках перенесли в приёмное отделение.

– В смотровую, давайте в смотровую её сразу же, Пал Палыч! И на кресло! – Мария Глебовна помчалась вперёд, открывая нужную дверь.

Умостив пациентку в гинекологическом кресле, я бросил своему невольному помощнику:

– Выйдите и ждите в коридоре!

Мужчина молча кивнул и скрылся за дверью.

– Пал Палыч, да вы же в крови весь! – всплеснула руками акушерка, указывая куда-то вниз.

Я посмотрел на свои ноги: весь левый туфель и штанина почти до колена были в крови. Меня замутило. Так вот, что за лужа была на полу в салоне машины! Господи, это сколько же из неё вытекло?! Литра два, не меньше! И до сих пор жива?!

– Полиглюкин, живо, ставьте струйно! В две вены! – рявкнул я ввалившимся в смотровую фельдшерам, – Головной конец кресла опустить, ноги ей задрать, как можно выше!

Антон Иванович с Клавдией Петровной захлопотали над бесчувственным телом.

– Мария Глебовна, что там? – вернулся я к акушерке, занятой осмотром.

– Лёт! – коротко ответила она и посторонилась, открывая мне обзор.

Из несчастной и в самом деле лило. Тёмно-красный ручей неспешно вытекал из её тела и жутковатым водопадиком низвергался на пол. Там уже образовалась приличных размеров лужа, которая растекалась всё больше и больше.

– Вен нет! – почти хором заявили фельдшера, – Спались! Давление не определяется!

Естественно, вены спались, если давление – почти на нуле! Я на секунду прикрыл глаза. Господи, за что мне всё это!

– Антон Иванович, садитесь на неё верхом, вот сюда, на живот! – скомандовал я, пытаюсь согнать разбегающиеся мысли обратно в мозг.

Фельдшер испуганно и с оттенком жалости выпучил на меня глаза:

– Зачем?!

– Будете пережимать брюшную аорту. Надавите кулаками вот сюда! – я показал, – Из всех сил будете давить, ясно?

– А почему я? – засомневался Иваныч.

– Потому что вы – самый упитанный! Лезьте, живо! – сделав страшные глаза, прикрикнул я на него.

Антон Иваныч мигом оседлал пациентку и надавил в нужном месте. Тёмный ручей тут же стал тонкой-претонкой струйкой.

– Подействовало! Ей-Богу, подействовало! – радостно воскликнула Мария Глебовна.

– Толку-то?! Иваныч слезет – опять ливанёт! – справедливо заметила Клавдия Петровна.

Я кивнул. Разумеется, ливанёт. Но пока мы выиграли немного времени:

– Набор для подключичной катетеризации есть? – безнадежно спросил я, предполагая ответ. И в самом деле, откуда такая роскошь? Реанимацию тут, похоже, сроду не проводили!

– Ага! – неожиданно кивнула фельдшерица и метнулась прочь из смотровой.

Я оторопел. Ну надо же!

Через минуту Клавдия Петровна вернулась со всем необходимым. Быстренько натянув перчатки, я поставил катетер в правую подключичную вену, затем – в левую. Мысленно благодаря судьбу за то, что подрабатывал в своё время медбратом в реанимации. Вот он, бесценный практический опыт! Впрочем, этим, собственно, он и ограничивался... Пока.

– Полиглюкин в обе вены, струйно! Добавить окситоцин и мезатон. Преднизолона девяносто! – распорядился я.

Клавдия Петровна завозилась с капельницами. Я вернулся к Марии Глебовне. Тёмная струйка не иссякала.

– Не выскоблили её до конца, – заметила акушерка.

Я вздохнул. Козе понятно, что неведомая бабка напортачила, делая аборт вязальной спицей (или чем там они делают?) Вопрос в другом: что нам-то делать? Пока из матки сифонит, как из прохудившегося ведра, все наши попытки вернуть несчастную жертву аборта к жизни – мартышкин труд. Есть, конечно, вялая надежда на то, что окситоцин заставит матку сократиться и кровотечение прекратится. Но, если в полости после выскабливания что-то осталось – окситоцин не поможет. А значит...

Я помотал головой, отгоняя мысль о том, что мне придётся сделать, если окситоцин не подействует:

– Значит так: ждём пять минут, оцениваем результат. Если кровить перестанет – отлично, после стабилизации давления повезём в район.

– А если нет? – поинтересовался багровый от натуги Антон Иваныч.

– А если нет – буду выскабливать сам. По жизненным показаниям. Мария Глебовна, стерильный набор для аборта есть?

Акушерка кивнула:

– А как же! В спирту храню, как знала.

– Отлично. Но лучше бы он не пригодился, – тихо пробормотал я.

Аборт мне доводилось делать лишь один раз. Даже не делать, а так: дали подержаться за рукоятку кюретки разок, во время практики в гинекологии после четвёртого курса. Теоретически, конечно, знаю, как это делается. Да и видел со стороны процесс. Но чтобы самому...

– Пал Палыч, я никогда сама не выскабливала! – прошептала мне на ухо акушерка, – Роды принимала, много. Даже осложнённые. Но аборт – ни разу! Боюсь я их...

Я шмыгнул носом. Спокойно, Маша, я Дубровский... Сам боюсь.

– Время! Антон Иваныч, сейчас на счёт «три» убираете руки. Но будьте готовы тут же вернуть их на место. Всё ясно?

Иваныч молча кивнул.

– Раз! Два! Три!

Фельдшер убрал руки и разогнулся. Я уставился на красную струйку. Только не расширяйся, пожалуйста, только не расширяйся!

Не расширилась. Просто хлынуло: даже сильнее, кажется, чем прежде!

– Давите! Давите, Антон Иванович! – заорали хором мы с акушеркой.

Фельдшер чертыхнулся и вновь навалился на живот несчастной. Кровяная река иссякла.

– Несите набор, Мария Глебовна! – обречённо распорядился я, чувствуя, как по моей спине строем прохаживаются ледяные муравьи.

Акушерка разложила на стерильном столике инструменты.

– Готово, доктор!

Я мысленно перекрестился и взялся за зеркала:

– Мария Глебовна, подержите вот так!

Она торопливо кивнула и перехватила рукоятки.

Так, посмотрим, что тут у нас. Расширители не понадобятся, подпольная бабка-абортмахер поработала на славу: всё просто зияло. Пытаясь подавить дрожь в руках, я взялся за кюретку.

– Зеркала шире! – прикрикнул я на акушерку. И ввёл инструмент в кровоточащую полость.

Скребок, ещё один. Внутри явно что-то было: кюретка постоянно «спотыкалась» о какие-то препятствия. Легко, впрочем, их преодолевая.

«Только бы стенку не проткнуть!» – приговаривал я мысленно, методично, сантиметр за сантиметром, выскабливая полость матки. Пот градом катился со лба и заливал глаза. Завидев это, ко мне подбежала Клавдия Петровна и принялась заботливо промокать меня салфеткой.

– Спасибо! – благодарно кивнул я ей и продолжил своё занятие.

Сколько прошло времени, не знаю. Наконец, пройдясь ещё раз инструментом по стенкам полости и не встретив сопротивления, я осторожно извлёк кюретку наружу.

– Всё? – шёпотом спросила Мария Глебовна.

– Кажется, – так же, шёпотом, ответил я.

Сверху раздался натуженный голос Иваныча:

– Ну, что, мне отпустить? Не могу больше, руки затекли. И спина.

– Отпускайте. Но сильно не расслабляйтесь: если что, придётся опять давить! – я отошёл на шаг. Что делать, если и сейчас кровотечение не остановится, я не знал. Вернее, знал, но прекрасно понимал, что в условиях Кобельковской больницы это недостижимо.

Антон Иванович вновь отнял руки от живота болящей и разогнулся. Три пары глаз уставились в... хм, в общем, куда надо уставились.

Наружу вялым толчком выплеснулась кровь вперемешку с какими-то сгустками. Акушерка с фельдшерницей хором охнули. Иваныч напрягся.

– Спокойно! – удержал его я, – нужно какое-то время, чтобы матка сократилась.

Сколько потребуется времени, я не представлял. Про себя решил, что подожду минуты три, не больше. Правда, если кровотечение будет продолжаться и после назначенного времени, мне придётся либо удалять матку, либо... Впрочем, другого «либо» не существовало. До райцентра мы пациентку не довезём, это очевидно. А всё, что можно было сделать тут, в Кобельках, мы уже испробовали.

– Может, на себя бригаду из ЦРБ вызвать? – шёпотом предложила Клавдия Петровна.

– Не успеют. Добираться будут час, не меньше! – возразила акушерка.

Я молча кивнул. Часа у нас не было. Даже, наверное, не было и четверти часа. Эх, была – не была!

– Идём на резекцию матки. Готовьте инструмент и операционное поле.

Женщины опять слаженно охнули и поглядели на меня, как на камикадзе.

– Инструмента стерильного нет! – виновато развела руками Кладия Петровна, – Кто ж знал-то?

– Обжечь в спирту, живо! Антон Иванович, слезайте: нужно обработать живот и лобок. Займитесь этим!

Иваныч с облегчением спрыгнул с несчастной и хлопотал над ней.

Я отрешённо стоял в сторонке, наблюдая за подготовительной суетой. И было мне ох, как хре... невесело.

Теоретически я помнил, как удалять матку. Практически – присутствовал пару раз на подобных операциях. Один раз даже удостоился чести подержать крючки. Я тогда вцепился в них и любовался отточенными, уверенными движениями рук хирурга.

Укравкой я взглянул на свои руки и огорчился ещё больше. Конечности мои заметно подрагивали от избытка адреналина в организме. Воровато оглянувшись по сторонам, я спрятал руки за спину. Чего позориться-то?

– Всё готово, Пал Палыч! – синхронно доложили фельдшера.

Рядом с истекающей кровью пациенткой уже стоял столик, накрытый стерильной простыней, на которой красовались свежеебожжённые хирургические инструменты. Живот несчастной женщины после антисептической обработки приобрёл лимонно-жёлтый оттенок и был обложен стерильными салфетками.

– Всё по-взрослому! – пробормотал я

– Что-что? – переспросила Клавдия Петровна.

– Отлично, говорю! – как мог, бодро заявил я, – Приступаем! Мы с Антоном Ивановичем и Клавдией Петровной моемся на операцию...

– И мы?! – недоумённо тянули упомянутые коллеги.

– И вы. Антон Иванович будет мне ассистировать, а вы, Клавдия Петровна, будете операционной сестрой. Подавать инструменты.

– А я? – возмутилась акушерка.

– А вы, Мария Глебовна, побудете анестезиологом. Поскольку наша пациентка в наркозе не нуждается, да и нечем его давать, будете следить за пульсом, давлением и обеспечивать медикаментозную терапию по моим назначениям. Всем задачи ясны?

– Ясны! – дружно гаркнула импровизированная операционная бригада.

– Отлично! Моемся!

– Пал Палыч!!! – заверещала вдруг акушерка так, что я невольно подпрыгнул.

– Ты чего орёшь, Машка?! – угрожающе зашипела на неё Клавдия Петровна.

– Пал Палыч, кровотечение остановилось! – на полтона ниже заявила Мария Глебовна и торжествующе обвела взглядом всех присутствующих.

Мы бросились к источнику кровотечения. Багровая река и в самом деле иссякла. Полностью. О недавней катастрофе напоминала лишь широкая полоса запёкшейся крови на коже.

– Слава Богу! – выдохнула Клавдия Петровна и широко перекрестилась.

Коллеги уставились на меня с таким благоговением, что мне стало неловко.

– Ну что же... Вот и славно. Сейчас давление поднимем, стабилизируем, в сознание приведём – и аккуратненько свезём в район, – смущённо пробормотал я, в душе откровенно ликуя, – Антон Иванович, что там с давлением?

– Сто на шестьдесят, пульс сто десять! – отрапортовал фельдшер через минуту.

– Отлично. Холод на живот. Пусть пока тут, на кресле полежит, в палату не отвозите. Мало ли что... – распорядился я, стянул перчатки и направился к выходу из смотровой.

Такого огромного облегчения, граничащего с восторгом, я не испытывал никогда прежде. Хотя, где-то в глубине души притаился коварный червячок сожаления: когда бы мне ещё довелось самому делать резекцию матки, да ещё и по жизненным показаниям?

«Радуйся, что всё обошлось, Пирогов хренов!» – оборвал я свои хирургические амбиции и взялся за ручку двери...

– Доктор, она не дышит! И пульса нет! – раздался позади вопль Иваныча.

Чертыхнувшись, я одним прыжком пересёк комнату и склонился над головой пациентки.

– Остановка сердца и дыхания! – ещё раз уточнил Иваныч.

Я поднял пальцами бледные веки: зрачки медленно расширились.

– Клиническая смерть! Антон Иваныч – на массаж сердца! Знаете, как?

Фельдшер кивнул, от души врезал кулаком по груди и принялся «качать».

– Четыре нажатия – пауза для вдоха, ясно? Считайте вслух!

– Раз, два, три, четыре... Вдох! – скомандовал Иваныч.

Я запрокинул голову несчастной, зажал ей нос и выдохнул весь воздух из своих лёгких в её.

– Дальше!

– Раз, два, три, четыре! Вдох!

Всё повторилось.

– Клавдия Петровна, нужны гармошка, маска, интубационный набор! Быстро! И ещё – дефибриллятор, – в перерывах между вдохами выпалил я.

– Есть только гармошка с маской! – протягивая мне их, фельдшерица выглядела виноватой.

Ладно, на безрыбьи – и рак рыба. Приладив маску к лицу умирающей, я разогнулся:

– В вену – лидокаин, адреналин, преднизолон. Обе капельницы открыть до максимума, чтобы водопадом лилось!

В смотровой опять воцарилась суета. Мы с Иванычем «качали», женщины хлопотали с капельницами и шприцами. Вот только на пациентку нашу все эти телодвижения никакого влияния не оказывали. Эх, дефибриллятор бы!

– Клавдия Петровна! – окликнул я фельдшерицу, – Срочно найдите мне длинный электрический провод с вилкой. Оторвите от чего-нибудь! И две ложки. Только не алюминиевые, стальные!

Она с недоумением уставилась на меня.

– Быстро! – подогнал я её, – И ещё – четыре пары перчаток.

Фельдшерица кивнула и испарилась.

– Дефибриллятор делать будете? – раскусил мой замысел изрядно вспотевший Иваныч, – Я где-то читал о таком.

– Вот и я где-то читал. Причём не уверен, что не в фантастической литературе! – подтвердил я и скомандовал, – Меняемся!

Поменялись. Теперь я «качал», а Иваныч – дышал. Остановился на миг, ткнулся пальцами в сонную артерию: нет пульса!

– Вот, всё принесла! – запыхавшаяся Клавдия Петровна свалила трофеи на столик.

– Отлично! Теперь очистите от изоляции оба конца провода и прикрутите к каждому из них по ложке!

Фельдшерица справилась с заданием довольно проворно:

– Готово!

– Мария Глебовна, подмените меня пока! – попросил я акушерку.

Та с готовностью принялась массировать сердце.

А я стал натягивать перчатки: одну пару, другую, третью... Натянув все четыре, взялся за ложки, разведя их подальше в стороны:

– Клавдия Петровна, воткните вилку в розетку!

– Да вы что, Пал Палыч?! Вас же током шарахнет!

– Не шарахнет, я заизолировался. Втыкайте же, время уходит!

Фельдшерица взвизгнула, воткнула вилку и зажмурилась.

Зажмурился и я. Но, через мгновение, приоткрыв глаза и обнаружив себя живым, приободрился:

– На счёт три убираем от больной руки! Раз! Два! Три!

Коллеги торопливо отпрыгнули от тела. Не теряя времени, я ткнул ложками в грудь несчастной. Затрещало, заискрило и противно запахло палёным мясом. Верхний свет замигал.

Я убрал ложки:

– Пульс?

Иваныч ткнул пальцами в шею пациентки:

– Нет ничего!

– Качайте дальше!

Фельдшер с акушеркой продолжили реанимацию. Выждав пару минут, я опять скомандовал:

– Отошли все! Разряд!

Под ложками вновь затрещало. Тело слегка дёрнулось.

– Пульс?

– Отсутствует.

– Продолжаем.

Тридцатая минута реанимации. Всё, что могли, мы уже испробовали. Но – увы... Даже импровизированный дефибриллятор не помог. Я приподнял бледные веки: зрачки, разумеется, были просто огромными и на свет не реагировали. Роговичных рефлексов тоже не наблюдалось.

– Прекращаем реанимацию. Антон Иваныч, зафиксируйте время биологической смерти, – я стащил перчатки и рухнул на стул.

В полной тишине мои коллеги принялись наводить порядок в смотровой. Накрыли тело простыню с головой, собрали разбросанные повсюду шприцы и салфетки. Иваныч уселся заполнять историю болезни. А я... я просто сидел и безучастно наблюдал за этой, никому уже ненужной суетой. Вот и первый крест вкопан на моём персональном врачебном кладбище.

Так прошло минут десять. Наконец, я начал приходить в себя:

– Клавдия Петровна, как вы тут поступаете с... трупами? – последнее слово выдавилось с огромным трудом.

– Обычно в ЦРБ увозим, в морг. Там вскрытие, ну и всё, что положено...

Я встал, подошёл к телу и откинул простынь с лица. Оно было бледным и спокойным.

– Что ж ты наделала, глупая? – тихо спросил я.

Синеватые, полупрозрачные веки дёрнулись и открылись. Я отшатнулся назад, налетев на акушерку.

– Что с вами, Пал Палыч? – удивилась она.

Вместо ответа я молча указал на покойницу. Та слегка приподняла голову и с видимым любопытством оглядывалась по сторонам.

– Мама! – басом прошептала Мария Глебовна и осела на пол.

Придерживая бесчувственную акушерку одной рукой, другой я нащупал артерию у ожившего трупа. Пульс был! Он бился ровно и уверенно.

– Э-э-э... – начал было я, но меня перебил незнакомый мелодичный голос за спиной:

– Здравствуйте! Меня зовут Аля. Пожалуйста, объясните мне, где я?!

Я обернулся. В дверях стояла ОНА: та самая «спящая красавица», которую привезли рыбаки несколько часов назад. Кутаясь в больничное одеяло, она смущённо улыбнулась и повторила:

– Давайте знакомиться: я – Аля. А вы кто?

*7 сентября 1987 года, озеро близ Кобельков,
20—40.*

– Лёнька, ну хватит уже, маньяк чёрттов! – Анюта спихнула с себя мужа и, смеясь, выбралась из палатки.

Леонид, рыча и делая страшные глаза, успел поймать её за ногу:

– Я буду познавать тебя, женщина, всё глубже и глубже! Раз пять!

– Милый, я тоже хочу того... познаваться, – она наклонилась и чмокнула мужа в щёку, –

Но Марья сказала, что сейчас нам слишком часто нельзя!

– А кто у нас Марья? И что значит «слишком часто»? – вкрадчивым голосом вопрошал Лёнька, перебирая руками по ноге жены и медленно поднимаясь.

– Акушерка наша, Мария Глебовна, забыл? У меня матка в тонусе!

– Так это же хорошо, если в тонусе? – уточнил муж, выпрямляясь и обнимая Анюту.

– Наоборот, плохо! Может случиться... выкидыш, – споткнувшись на мерзком слове, тихо объяснила она.

– Ну уж нет, такого мы не допустим! – заявил Леонид, – Придётся мне поумерить пыл и собрать волю в кулак!

Анюта опустила глаза, посмотрела, как муж «собирает волю в кулак» и прыснула:

– Так вот она какая, воля! Больно, наверное?

– Угу! – подтвердил он, морщась.

– Бедненький! – погладила мужа по макушке Анюта, – Ну давай потерпим пока, а? У меня и в самом деле низ живота тянет немного.

Леонид встревожился:

– Так что же ты молчала? Мы бы не...

– Хотелось очень! – улыбнулась ему жена, – Да ты не переживай: я сейчас но-шпы тяпну, полежу с полчасика, всё и пройдёт. А ты пока ужин приготовишь. Кто-то, кстати, уху обещал! Не знаешь, кто?

– Мужик сказал – мужик сделал! – гордо заявил Леонид и принялся мягко заталкивать Анюту обратно в палатку, – Нютка, ты давай ложись и отдыхай. А я пока сплаваю к острову, раколовки проверю. Хочешь раков?

– Хочу, конечно! Только... – Анюта запнулась. Внезапная, необъяснимая тревога накрыла с головой. До дрожи в поджилках и «гусиной кожи».

– «Только» – что? – переспросил муж, заботливо упаковывая её в спальный мешок.

– Ты... Ты побыстрее, ладно? – попросила Анюта, пытаясь побороть дрожь в голосе. Получилось довольно-таки жалко.

– Ты чего, Нют? – Леонид приподнял за подбородок её голову, – Тебе совсем плохо, да?

– Нет, нет, у меня уже всё прошло! Почти прошло! – замотала она головой, – Просто... Не оставляй меня одну надолго, ладно? Как-то тоскливо мне...

– Так я вообще не поплыву никуда!

– А как же раки? – кисло улыбнулась женщина.

– Да леший с ними! Рыба есть, ухи наварю. Как обещал! – заявил Лёнька.

– Ладно уж, плыви давай. Правда, так раков захотелось! – Анюта мечтательно закатила глаза. Тревога схлынула – так же внезапно, как и появилась.

– Уверена, что у тебя всё в порядке? – подозрительно поинтересовался муж.

– Уверена, уверена! Плыви, за меня не волнуйся. Раньше отплывёшь – раньше вернёшься: соскучиться не успею.

– Да тут плыть-то... За полчаса управлюсь. А ты подремли пока, – Лёнька чмокнул жену в нос и выбрался из палатки. Через минуту снаружи послышался его голос, – Нютка, я дров в костёр подкинул, так что – не вставай!

– Ладно, не буду! Спасибо! – крикнула она в ответ. И услышала, как зашлёпали по воде вёсла.

Тревожная тоска навалилась, будто только этого и ждала. Анюта свернулась клубочком, пытаясь избавиться от бьющего её озноба. Тщетно: согреться не удавалось.

– Да что же это со мной такое?! – пробормотала она, слушая неприятный стук собственных зубов.

Тревога стремительно нарастала: теперь это была уже настоящая паника. Женщина с трудом сдерживалась, чтобы не выкарабкаться из спальника и не помчаться, сломя голову, куда угодно: в лес, в степь, в воду... И – бежать, бежать, или плыть, не останавливаясь, прочь от этого жуткого места.

Почему это чудесное местечко, которое они с мужем облюбовали и освоили давным-давно, стало вдруг жутким, Анюта объяснить не могла. Но её подсознание, казалось, кричало во весь свой неслышимый голос: «Беги, беги отсюда!» И требовательно, часто молотило кулачками в грудь... Впрочем, это уже не подсознание, это сердце.

Повинуясь этой команде, женщина торопливо выскользнула из спального мешка и, трясясь всем телом, выбралась наружу.

Смеркалось. На озеро опустился туман, в котором едва различимы были очертания удаляющейся лодки.

Снаружи страх набросился на неё, будто стая оголодавших комаров. И точно так же укутал всё тело липким шевелящимся пологом.

– Лёня! – Анюта попыталась крикнуть, но получился лишь какой-то несуразный хрип.

Она сделала несколько шагов и присела у костра. Протянула к пламени дрожащие руки. Теплее не стало. Зато рядом с огнём окружающие сумерки разом сгустились до почти полной темноты. Отчего стало ещё страшнее.

Анюта опасливо покосилась в сторону леса. Тот стоял сплошной тёмно-синей стеной. И из-за этой стены кто-то пристально и недобро смотрел на сжавшуюся у костра испуганную женщину.

– Кто здесь? – прохрипела она, почувствовав на себе этот чужой взгляд.

Тишина. Даже эхо, такое весёлое днём, теперь увязло в тумане и сумерках. Анюта до рези в глазах всматривалась в лес, но ничего, кроме сгущающегося мрака, не видела.

Устав, наконец, вглядываться в темноту, женщина опустила глаза. И замерла. На какое-то время даже её необъяснимый страх исчез... Вытесненный другим, вполне даже реальным.

Совсем рядом с костром лежала канистра. Пламя лениво облизывало её, когда могло дотянуться. А удавалось огню это всё чаще и чаще, потому что поднялся ветер. И канистра лежала в аккурат с подветренной стороны.

В канистре был бензин. Лёнька специально заправил не только бак их «Лады», но и эту железную посудину: для растопки и для небольшого электрогенератора, который заводился вечером и обеспечивал им необходимый минимум комфорта.

И вот теперь почти полная канистра бензина валялась рядом с Анютой практически в пламени костра!

Женщина поспешно выхватила из огня прилично уже нагретую ёмкость и оттащила ко входу в палатку. Подальше от жадных языков пламени.

За этим нехитрым занятием Анюта и не заметила, как вернулся ЕЁ ужас. Как только женщина разогнулась, поставив канистру у нейлоновой (или из какой там другой синтетики шьют палатки?) стенки, страх хищно вспрыгнул на её плечи. Пригибая, прижимая ледяными своими лапами к земле.

Невольно застонав, Анюта вползла в палатку и закрыла на «молнию» вход. Будто можно было этим отгородиться от преследующего её ужаса.

Господи, как холодно-то! Трясаясь всем телом и выбивая зубами частую дробь, женщина забралась в спальный мешок. Подумала немного – и застегнула над головой замок.

Уютно устроившись в тёплой, душной темноте импровизированного кокона, Анюта попыталась унять противную, изрядно уже ей надоевшую дрожь. И на этот раз это почти удалось. Слегка успокоившись, женщина задремала.

Леонид выдернул со дна очередную раколовку и удовлетворённо хмыкнул: в сетке вяло шевелились, грозно топорща усы и поигрывая внушительными клешнями, с десяток весьма упитанных раков. Ещё один-два таких уловов – и, глядишь, целое ведро наберётся! А непроверенными остались ещё шесть ловушек.

Молодой человек торжествуя поднял трофей над головой и обернулся в сторону берега. Разумеется, Анюта не могла его увидеть: стемнело уже, да и туман плотно накрыл озеро. Даже берега не видно, хотя до него по прямой всего-то каких-нибудь метров триста. Если бы не жёлтое пляшущее пятно костра, ни за что бы не разобрал, в какую сторону плыть к их палатке.

Лёнька швырнул сетку с невезучими раками на дно лодки и взялся за вёсла. Пора поскорее проверить остальные раколовки, да и возвращаться. Там Нютка ждёт: тёплая, сонная и мягкая.

Он улыбнулся, вспомнив всё, что происходило в их палатке всего-то час назад. И, охваченный острым желанием, быстрее заработал вёслами. Лодка вздыбила нос и со скоростью торпедного катера понеслась вдоль острова.

Леонид покосился на берег. Пламя костра по-прежнему мерцало в тумане, служа своеобразным маяком. А рядом с ним...

Лёнька бросил вёсла и резко привстал в лодке, отчего та чуть не опрокинулась. Рядом с далёким пляшущим оранжевым пятном появилось ещё одно. Пока маленькое, робкое, но с каждой секундой расплзающееся по темноте всё шире и шире. В аккурат в том месте, где была палатка. В которой спала Анюта!

– Нютка! – не помня себя от навалившегося ужаса, закричал Леонид, – Нютка, беги из палатки!

Тишина в ответ. Даже эхо куда-то пропало. А жуткое пятно света на берегу, будто подстёгнутое криком, выплеснулось высоко вверх и победно заплясало на усилившемся ветру.

Лёнька вновь схватился за вёсла и со всех сил погрёб к берегу. Лодка неслась, будто подталкиваемая мощным мотором, но всё-таки, недостаточно быстро. Молодой человек грёб, бормотал что-то себе под нос, всхлипывал и кричал, кричал... Понимая уже, что в том пламени на берегу не осталось никого, кто мог бы ему ответить.

Словно в подтверждение этой страшной догадки, огонь внезапно взметнулся высоко вверх клубящимся багрово-чёрным столбом, напоминая миниатюрный ядерный «гриб». И тут же донёсся хлопок взрыва.

«Канистра!» – догадался Лёнька, не в силах оторвать остановившийся взгляд от буйствующего на берегу пожара.

Там горело всё: огромное пламя теперь выхватило из мрака даже далёкий лес. Вся узкая прибрежная полоска земли, на которой совсем недавно стояла их палатка, теперь была охвачена огнём. И, кроме огня, ничего там не было. И никого.

Лёнька бросил вёсла и дико, по-волчьи завыл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.